

КНЯЗЬ ФЕЛИКС
ЮСУПОВ

МЕМОАРЫ

Феликс Юсупов

Князь Феликс Юсупов. Мемуары

«Public Domain»

Юсупов Ф.

Князь Феликс Юсупов. Мемуары / Ф. Юсупов — «Public Domain»,

Князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон младший – родовитый аристократ, семейство которого владело колоссальнейшим состоянием. Он учился в Пажеском корпусе и в Оксфорде, был бисексуалом и женился на племяннице Николая II. Одно про него знают все – он убил Распутина. После большевистской революции князь счастливо избежал смерти и почти полвека провел в изгнании. Впервые полный текст «Мемуаров» выходит на русском языке, да еще в таком дивном переводе, что даже не верится, что князь писал их по-французски. «Мемуары» напрочь лишены авторского тщеславия: князь Юсупов рассказывает о себе и о других с простотой и величием настоящего аристократа, которому не надо ни отчитываться, ни оправдываться. Ни в чем... У него цепкая память и живой ум, легкий слог и острый взгляд, причуды и странности, глубина и легковесность, юмор и обаяние, блеск и нищета. А за автопортретом без побряжек и комплексов проглядывает история и является Россия – пышная и порочная, безумная и достойная, парадоксальная и подлинная...

© Юсупов Ф.

© Public Domain

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ	6
Книга первая	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	22
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	31
ГЛАВА 8	36
ГЛАВА 9	41
ГЛАВА 10	45
ГЛАВА 11	48
ГЛАВА 12	54
ГЛАВА 13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Феликс Юсупов

Князь Феликс Юсупов. Мемуары

ПРЕДИСЛОВИЕ

До самой смерти мама не давала согласия на переиздание мемуаров своего отца, князя Юсупова. Конечно, мамин отказ был вызван ее крайней застенчивостью, желанием жить неприметно, в тени, в стороне от всякой публичности, но имелась тут причина и тоньше – тоска по утраченной родине требовала молчания.

Молчания, но не забвения. Родители оставались русскими до мозга костей.

И не хотели взять французский паспорт. А ведь сколько хлопот и недоразумений причинял им их статус «апатридов» и политических беженцев, когда они, пересекая границу, ехали просто на отдых...

Я долгие годы разделяла мамину точку зрения. Мнение переменила, только когда получила вежливое письмо одного советского историка: он желал собрать как можно больше сведений о родных моего отца с момента революции, об их жизни и смерти, о месте их захоронения... В тот день я поняла, что Советский Союз перестал отрицать и замалчивать прошлое и что русской истории дозволено существовать.

С тех пор уже никто и ничто не мешало переизданию мемуаров. А сегодня я и вовсе считаю это своей обязанностью. Дедушка мой, будучи уже глубоким стариком, все еще изумлял друзей и знакомых живостью ума и щедростью души. Мне посчастливилось знать его. В иные годы я общалась с ним особенно тесно и еще сильнее чувствовала его обаяние. И навек ему благодарна, потому что он оставил мне самое дорогое наследство – пример своей жизни и те ценности, которые не уничтожит война, не разграбит бунт, не отнимет власть: благородство, мужество и простоту.

Ксения Сфири-Шереметева

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Это история старорусского семейства в типичной для него обстановке восточной дикости и роскоши. Начинается она у татар в Золотой орде, продолжается в императорском дворе в Санкт-Петербурге и оканчивается в изгнании.

В революцию наши архивы пропали, сохранились лишь дедовские записи от 1886 года. Это единственный документ, которым пользовался я, рассказывая о семейных истоках.

О своей собственной жизни говорю искренне, повествую о грустных и радостных днях, ни о чем не умалчивая.

О политике я предпочел бы не говорить, но жил я во времена беспокойные и, хоть и рассказывал уже о драматических событиях, в которых оказался замешан («Конец Распутина»), не могу и здесь обойти молчаньем собственную роль в них.

Первая часть мемуаров рисует беззаботную жизнь, какой жили мы до войны 14-го и революции 17-го гг., вторая говорит о наших мытарствах в изгнании.

Пропасть разделяет оба периода. Глубочайшая вера понадобилась нам, чтобы не усомниться в справедливости Господа. Именно эта вера и помогла нам вынести испытания и не утратить надежды.

Книга первая ДО ИЗГНАНИЯ 1887-1919

ГЛАВА 1 Мои татарские предки – Хан Юсуф – Сумбека – Первые князья Юсуповы

Основателем нашей семьи назван в семейных архивах некто Абубекир Бен Райок, потомок пророка Али, племянника Магомета. Титулы нашего предка, мусульманского владыки – Эмир эль Омра, Князь Князей, Султан Султанов и Великий Хан. В его руках была вся политическая и религиозная власть.

Его потомки также правили в Египте, Дамаске, Антиохии и Константинополе. Иные покоятся в Мекке, близ знаменитого камня Каабы.

Один из них, именем Термес, ушел из Аравии к Азовскому и Каспийским морям. Захватил он обширные территории от Дона до Урала, где образовалась впоследствии Ногайская орда.

В XIV веке потомок Термеса Эдигей Мангит, слывший великим стратегом, ходил в походы с Тамерланом, основателем второй татаро-монгольской империи, бил хана-изменника Кыпчака, а потом ушел на юг к Черному морю, где основал Крымскую орду, иначе, Крымское ханство. Умер он в глубокой старости, после его смерти наследники переругались и перерезали друг друга.

В конце XV века его правнук Муса-Мурза, владыка мощной Ногайской орды и союзник Великого князя Ивана III, захватил и разрушил Кыпчаково ханство, мятежную часть Золотой орды. Сменил Мусу его старший сын Шиг-Шамай, но скоро сам был сменен братом Юсуфом.

Хан Юсуф – один из самых сильных и умных правителей того времени. Иван Грозный, чьим союзником он был двадцать лет, почитал Ногайскую орду государством, а его самого – государем. Оба обменивались дарами, дарили друг другу седла, доспехи в алмазах и яхонтах, собольи и горностаевые шубы, шатры, шитые из дорогого шелка. Царь звал Юсуфа своим «другом и братом», а тот писал царю: «Имеющий тысячу друзей единого друга имеет, имеющий единого врага тысячу врагов имеет».

У Юсуфа было восемь сыновей и дочь Сумбека, казанская царица, которая славилась умом, красотой, была страстна и отважна. Казань переходила из рук в руки. Сумбека жаждала власти и брала в мужья очередного победителя. В 14 лет она вышла за Еналея. Еналея убил сын крымского хана Сафа-Гирей. Сафа-Гирея убил родной брат и в свою очередь стал казанским царем и мужем Сумбеки, но скоро был изгнан и бежал в Москву. Несколько лет Сумбека царила одна, затем пошли распри у Ивана с Юсуфом. Русские осадили Казань. Превосходство их было бесспорно. Казанское царство пало, Сумбека сдалась. В честь взятия Казани в Москве был воздвигнут храм Василия Блаженного с восемью куполами в память о восьми днях осады.

Царь Иван был восхищен мужеством Сумбеки и оказал ей великие почести. На богато убранных судах велел доставить ее и сына ее в Москву, поселил в Кремле.

Не один Иван пленился пленницей. И бояр, и простой народ покорила прославленная царица.

А Юсуф тосковал по дочери и внуку и требовал их освобождения. Иван его угрозы не слушал, на письма не отвечал, а близким говорил: «Всемогущий хан сердается». Оскорбленный Юсуф готовился к войне, но был убит братом Измаилом.

А Сумбека в плену все еще жаждала власти. Уговаривала Ивана, чтоб позволил ей развестись с беглецом-мужем, жившим в Москве, и выйти за нового казанского царя. Позволения не получила. Так и умерла в плену в возрасте тридцати семи лет. А память о ней осталась. В XVIII и XIX веках Сумбека вдохновляла музыкантов и художников. Балет Глинки «Сумбека и взятие Казани» с Истоминой в главной партии в 1832 году в Петербурге имел огромный успех.

После смерти Юсуфа потомки его ссорились вплоть до конца XVII века. Юсуфов правнук Абдул Мирза был крещен, наречен Дмитрием и получил от царя Федора Иоанновича титул князя Юсупова. Новоиспеченный князь, известный своей отвагой, ходил с царем воевать Крым и Польшу. Походы завершились успешно, и Россия получила все, что потеряла ранее.

Тем не менее князь Дмитрий попал в немилость и был лишен половины имущества за то, что в постный день попотчевал московского митрополита гусем под видом рыбы.

Правнук Дмитрия, князь Николай Борисович, рассказывает, как однажды, ужиная в Зимнем дворце у императрицы Екатерины II, на вопрос ее, умеет ли он разрезать гуся, отвечал: «Мне ли того не уметь, заплативши столь дорого!» Императрица пожелала узнать историю и, узнав, очень смеялась. «Прадед ваш получил по заслугам, – сказала она, – а остатка имения на гусей вам хватит, еще и меня с семейством прокормите».

Сын же Дмитрия, Григорий Дмитриевич, был ближайшим советником Петра, строил флот, воевал, проводил реформы. За ум и великие способности государь ценил его и пользовал дружбой.

Сын Григория, князь Борис, продолжил отцовское дело. В двадцать лет был послан во Францию учиться у французов морскому делу, по возвращении стал, подобно отцу, близким советником Петра и участвовал в реформах.

При Анне Иоанновне князь Борис был московским губернатором, а при Елизавете Петровне – начальником кадетского корпуса. Молодежь любила его, почитая и другом, и учителем. Из самых одаренных он набрал любительскую актерскую труппу. Играли классику и пьесы собственного сочинения. Один из них оказался особо талантлив. Это был будущий поэт Сумароков, предок мой по отцовской линии.

Елизавета, услышав о труппе – новшестве во времена, когда в России русского театра не было и в помине, – пожелала видеть ее у себя во дворце. Государыня была ею столь очарована, что сама занялась костюмами для актеров. Выдавала платья и украшения игравшим трагистам.

По ходатайству того же князя Бориса Григорьевича в 1756 году подписала императрица и указ о первом публичном театре Санкт-Петербурга.

Искусство, однако, не мешало службе: князь занялся хозяйственными вопросами и разработал систему речного судоходства, в частности установил сообщение между Ладожским озером, Окой и Волгой.

У князя Бориса было четверо дочерей (одна из них вышла за герцога Курляндского, Петра, сына небезызвестного Бирона) и двое сыновей: старший, Николай Борисович – мой прапрадед. Он достоин отдельной главы.

ГЛАВА 2

Князь Николай Борисович – Поездки за границу – Женитьба – Архангельское – Князь Борис Николаевич

Князь Николай – лицо в нашем семействе из самых замечательных. Умница, яркая личность, эрудит, полиглот, путешественник, он водил знакомство со многими знаменитыми современниками, покровительствовал наукам и искусствам, был советчиком и другом императрицы Екатерины II и ее преемников императоров Павла, Александра и Николая I.

Семи лет он был записан в лейб-гвардейский полк, в шестнадцать стал офицером и со временем достиг высших государственных званий и регалий вплоть до алмазных эполет – принадлежности царских особ. В 1798 году получил звание командора орденов Мальтийского и Св. Иоанна Иерусалимского. Поговаривали даже о совсем особых императрицыных милостях.

Г-жа Янкова в своих «Воспоминаниях бабки» так пишет о нем:

«Князь Юсупов – большой московский барин и последний екатерининский вельможа. Государыня очень его почитала. Говорят, в спальне у себя он повесил картину, где она и он писаны в виде Венеры и Аполлона. Павел после матушкиной смерти велел ему картину уничтожить. Сомневаюсь, однако, что князь послушался. А что до князевой ветрености, так причиной тому его восточная горячность и любовная комплекция. В архангельской усадьбе князя – портреты любовниц его, картин более трехсот. Женился он на племяннице государынина любимца Потемкина, но нравом был ветрен и оттого в супружестве не слишком счастлив...

Князь Николай был пригож и приятен и за простоту любим и двором, и простым людом. В Архангельском задавал он пиры, и последнее празднество по случаю коронавания Николая превзошло все и совершенно поразило иностранных принцев и посланников. Богатств своих князь и сам не знал. Любил и собирал прекрасное. Коллекции его в России, полагаю, нет равных. Последние годы, наскуча миром, доживал он взаперти в своем московском доме. Когда бы не распутный нрав, сильно повредивший ему во мненьи общества, он мог быть сочтен идеалом мужчины».

Немало лет князь Николай Борисович провел за границей. Свел он там знакомство со многими людьми искусства и был в переписке с ними, даже и воротясь в Россию. В Европе покупал он предметы искусства и для Эрмитажа, и для личного своего музея. От папы Пия VI он добился разрешения изготовить в Ватикане копии рафаэлевских фресок. Выполнили заказ мастера Маццани и Росси. С открытием Эрмитажа копии поместили в особый зал, с тех пор именуемый Рафаэлевой лоджией.

Находясь в Париже, князь Николай был нередко зван на вечера в Трианон и Версаль. Людовик XVI и Мария Антуанетта были с ним в дружбе. От них получил он в дар сервиз из черного севрского фарфора в цветочек, шедевр королевских мастерских, поначалу заказанный для наследника.

Что случилось с сервизом, никто в семье не знал, но в 1912 году посетили меня два француза-искусствоведа, изучавших севрский фарфор. Пришлось мне заняться розысками прадедовского сервиза. Нашел я его в чулане. Более века пылился там подарок Людовика XVI.

Князь Николай мог похвалиться дружбой и с прусским королем Фридрихом Великим, и с австрийским императором Иосифом II. Беседовал с Вольтером, Дидро, Д'Аламбером и Бомарше. Этот последний посвятил ему оду. Что до фернейца, тот написал Екатерине, познакомившись с князем, что совершенно очарован его умом, сколь глубоким, столь и блистательным.

«Сударь, – отвечала императрица, – сколь вы очарованы сею особой, столь и особа сия очарована вами».

Передала Екатерина и князю отзыв о нем «фернейского безумца».

В 1774 году князь был в Петербурге на бракосочетании сестры Евдокии с герцогом Курляндским Петром. Венчались в Зимнем Дворце в присутствии государыни. Екатерина надеялась, что союз их пойдет на благо курляндскому герцогству, что милая, кроткая Евдокия умиротворит свирепого Петра, что он женится – переменится. Не тут-то было. Герцог стал еще свирепей и с женой груб нестерпимо. Государыня, узнав о том, под предлогом свадьбы сына, великого князя Павла, вызвала герцогиню Евдокию к себе. Прожив при государыне два года, Евдокия умерла. В память о ней герцог прислал шурина кресла и стулья из ее спальни – серебряного дерева, резные, обитые лазоревым шелком. Мебель поставили в Архангельском, в зале с белыми мраморными колоннами и голубыми стенами. Залу называли Серебряной комнатой.

В 1793 году князь Николай женился на Татьяне Васильевне Энгельгардт, одной из пяти племянниц князя Потемкина.

В младенчестве она уже покоряла всех. Двенадцати лет была взята императрицей и находилась при ней неотлучно. Вскоре завоевала двор и имела множество поклонников.

В то время посетила Санкт-Петербург английская красавица и оригиналка герцогиня Кингстонская, графиня Бристольская. Имелась у ней яхта с дорогими мебелью и обоями. На палубе был устроен экзотический сад, на ветвях распевали райские птицы.

В Зимнем герцогиня познакомилась с юной Татьяной и сильно к ней привязалась. Уезжая, она просила государыню отпустить Татьяну в Англию, где думала сделать ее наследницей своего огромного состояния. Государыня пересказала Татьяне просьбу. Татьяна, и сама горячо привязанная к англичанке, не захотела покинуть родину и государыню.

Двадцати четырех лет она вышла за князя Николая Юсупова. Тому было в ту пору более сорока. Поначалу все шло хорошо. Родился сын Борис. В Петербурге, в Москве, в летней усадьбе в Архангельском окружали их поэты, художники, музыканты. Близок к Юсуповым был Пушкин. Князь с княгиней предоставили его родителям квартиру в своем московском доме, где поэт жил в юные годы. Любил он бывать летом в Архангельском, даже и сочинял там. В оде, посвященной хозяину, пишет:

...К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Княгиня Татьяна оказалась домовита, толкова и хлебосольна, вдобавок обладала деловой сметкой. Хозяйствовала так, что и состояние умножалось, и крестьяне богатели. Была и кротка, и услужлива. «Испытанья господни, – говорила она, – научают терпеть и верить».

Княгиня была дельным человеком и думала о красе ногтей. Особенно любила украшения и положила начало коллекции, впоследствии знаменитой. Купила она брильянт «Полярная звезда», брильянты французской короны, драгоценности королевы Неаполитанской и, наконец, знаменитую «Перегрину», жемчужину испанского короля Филиппа II, принадлежавшую, как говорят, самой Клеопатре. А другую, парную к ней, говорят, царица растворила в уксусе, желая на пиру переплюнуть Антония. В память о том князь Николай велел повторить на холсте фрески Тьеполо из венецианского палаццо Лабиа «Пир и смерть Клеопатры». Копии и ныне в Архангельском.

Князь по-своему любил жену и оплачивал всякое новое ее приобретение. Он и сам отличался, одаривая ее. Однажды преподнес ей на именины парковые статуи и вазоны. Другой раз презентовал зверей и птиц для зверинца, им же в усадьбе устроенного. Счастье, однако, длилось недолго. С годами князь стал распутничать и жил у себя как паша в серале. Княгиня, не терпя этого, переселилась в парковый домик «Каприз», ею построенный. Удалилась она

от света и посвятила себя воспитанию сына и делам благотворительности. Мужа пережила на десять лет и умерла в 1841 году в возрасте семидесяти двух лет, сохранив до конца знаменитые свои ум и шарм.

Объездив за годы Европу и Ближнюю Азию, князь Николай наконец воротился в Россию и целиком отдался трудам на благо искусства. Занялся устройством Эрмитажа и собственного музея в Архангельском, которое только приобрел. В усадебном парке построил театр, завел труппу актеров, музыкантов и танцовщиков и давал представления, о которых долго помнили москвичи. Архангельское стало художественным центром, куда ездили и свои, и чужие. Наконец, Екатерина поручила ему все императорские театры.

Близ парка поставил князь две фабрики – фарфора и хрусталя. Выписал мастеров, художников, материалы севрской мануфактуры. Все изделия фабрик дарил друзьям и почетным гостям. Вещи с клеймом «Архангельское 1828-1830» нынче на вес золота. Фабрики были уничтожены пожаром. Сгорели корпуса, и продукция, и даже бесценный севрский сервиз «Бар-рийская роза», купленный прежде в Париже.

В 1799 году князь вернулся в Италию и несколько лет провел там посланником и в Риме, и на Сицилии, и при дворах Сардинском и Неаполитанском.

Последний раз побывав в Париже в 1804 году, часто видался с Наполеоном. Был вхож в императорскую ложу во всех парижских театрах. А уезжая, получил в дар от императора две гигантские севрские вазы и три гобелена «Охота Мелеагра».

По возвращении князь продолжал устройство архангельского имения. В парке в честь боготворимой государыни воздвиг храм с надписью «Dea Caterina» на фронте. Внутри на пьедестале высилась бронзовая статуя императрицы в образе Минервы. Перед статуей стоял треножник, на нем – курильница с пахучими смолами и травами. В глубине на стене прочитывалось итальянское: «Tu cui concede il cielo e dietti il fato voler il giusto e poter ciò che vuoi». То есть: «Ты волею неба жаждешь правосудия, ты волею судьбы творишь его».

Когда восточный шах пожелал познакомиться с Архангельским и его владельцем, князь воздвиг перед храмом стену, чтобы скрыть его от гостя и не допустить неверного в святилище. Говорят, в два дня соорудили Князевы холопы это чудо с башенками в азиатском вкусе.

Главным управляющим служил у князя француз некто Дерусси. Барину он подчинялся во всем, но с крестьянами был жесток до крайности. Те ненавидели его и однажды вечером столкнули с крыши, а труп выбросили в реку. Виновников схватили. Им дали по пятнадцать ударов кнутом. Потом им вырвали ноздри и выжгли на лбу клеймо «убивец». После всего заковали и сослали в Сибирь.

Уход за парком требовал немалых усилий. Князь Николай, желая превратить Архангельское в райский сад, всякое землепашество запретил. Зерно для крестьян покупал у соседей, так что все князевы люди были заняты на работах в садах.

Парк был разбит на французский манер. Три террасы с мраморными статуями и вазами спускались к реке. Грабы окаймляли зеленый ковер посередке. Всюду – рощицы и фонтаны. У воды – четыре домика, вокруг каждого – двухсотметровая оранжерея. В Зимнем саду – мраморные скамьи, мраморные фонтаны меж апельсиновых деревьев и пальм. Тропические цветы и птицы говорят о вечном лете, а в окнах – в парке все в снегу.

В зоологическом саду – редкостные животные, выписанные князем из-за границы. Государыня Екатерина подарила ему целое семейство тибетских верблюдов. Когда везли их из Царского в Архангельское, особый курьер ежедневно сообщал князю о состоянии их здоровья.

Как рассказывают, ровно в полдень из сада к барскому дому всякий день вылетал орел, а прудовые рыбки в жабрах имели по золотой серьге.

В 1812 году князь, бросив усадьбу, сидел в Турашкине, куда отступили гонимые французом войска. Долгое время известий о своем добре не имел. По окончании войны он вернулся в Москву. Оказалось, что московский дом цел и невредим, а Архангельское в состоянии плачев-

ном. Статуи разбиты, деревья поломаны. Увидав, что боги с богинями безносы, князь воскликнул: «Свиньи-французы заразили сифилисом весь мой Олимп!». В доме ставни и двери были сорваны, вещи перебиты и валялись на полу вперемешку. Гибель всего того, что так любовно он собирал, потрясла князя, даже заболел он от горя.

В Архангельском князь вел жизнь праздную. Охота, балы, театральные представления сменяли друг друга. Колоссальное состояние позволяло любую прихоть, и тут он тратил без оглядки. Зато в быту был странно скуп, а скупой платит дважды. Экономя на дровах, он велел топить опилками. В один прекрасный день вспыхнул пожар. Дом загорелся и выгорел изнутри целиком.

Один из московских его приятелей писал в письме: «А на Москве такие вести: дворец в Архангельском сгорел по милости старого князя. Сей из скупости приказал топить опилками вместо дров. А это верный пожар. Погибла вся библиотека и живописи немало. Спасая от огня картины с книгами, кидали их прямо из окон. Знаменитой скульптуре Кановы "Амур и Психея" отбили руки и ноги. Бедняга Юсупов! И почто скупердьяничал? Мое мнение: не простит ему Архангельское разора напрасного, а еще и позора, то бишь гарема шлюх и танцорок...»

Вся Москва обсуждала скандальную жизнь старика князя. Давно живя раздельно с женой, он держал при себе любовниц во множестве, актеров и пейзажистов. Театрал-завсегдатай Архангельского рассказывал, что во время балета стоило старику махнуть тростью, танцорки тотчас заголялись. Прима была его фавориткой, осыпал он ее царскими подарками. Самой сильной страстью его была французенка, красotka, но горькая пьяница. Она, когда напивалась, бывала ужасна. Лезла драться, била посуду и топтала книги. Бедный князь жил в постоянном страхе. Только пообещав подарок, удавалось ему уговорить буянку. Самой последней его страсти было восемнадцать, ему – восемьдесят!

Князевы путешествия были целой историей. Когда ехал, непременно брал с собой близких друзей, любовниц, холопов, музыкантов, не говоря уж о любимых псах, обезьянах, попугаях и части библиотеки. Сборы длились неделями, для князя и свиты наряжалось не менее десяти повозок, с шестеркой лошадей каждая. Так прибывал он из Москвы в летнюю усадьбу, и пушечная пальба встречала и провожала его.

Умер он в 1831 году в возрасте восьмидесяти лет и был похоронен в своем подмосковном имении Спасское. Незадолго до смерти он подарил Санкт-Петербургу один из своих петербургских домов. Это был роскошный особняк с парком. В парке росли вековые деревья, в пруду отражались статуи и вазы из дорогого мрамора. Особняк отдали сановнику, а парк превратили в общественный сад, и зимой к пруду сходились любители пофигурять на коньках.

Даже коротко рассказав о князе, нельзя не описать его любимую усадьбу. «Архангельское, – повторял он, – не для наживы, а для растрат и усад».

Повидал я немало дворцов и особняков, видел и пышней, и роскошней. Но гармоничнее – никогда. Нигде искусство не сочеталось так счастливо с природою. Собственно архитектор нам неизвестен. Поначалу поместье принадлежало князю Голицыну, он и затеял постройку дворца. Потом, разорясь, продал землю князю Юсупову, тот продолжил строительство, внося изменения. Первые чертежи подписал французский архитектор Герн, однако в России он не бывал, и работу за него, надо думать, закончили русские.

Правда, очень вероятно, что, купив Архангельское, князь Николай самолично руководил работами, взяв в советчики итальянца Пьетро Гонзаго, архитектора и театрального декоратора, тогдашнюю знаменитость. В Петербурге сей часто бывал у князя, делал декорации для Князева театра. Видимо, под конец помог в устройстве и отделке архангельского дворца.

Тому, кто желает представить себе сей шедевр, дам описание. Опишу, как застал.

Прямая аллея вела сквозь сосны и выходила к круглой площадке с колоннадой. Бельэтаж – колоссальные залы с колоннами, потолочной росписью, мраморными скульптурами, картинами знаменитых мэтров. Два зала посвящены особо – Тьеполо и Юберу Роберу. Но выглядят

залы уютно, почитай, интимно благодаря старинной мебели и цветам в кадках. Срединная зала для торжеств – круглая, выходит в парк, открывая изумленному гостю террасы и в окаймленье статуй зеленый ковер вплоть до синеватой лесной дымки на горизонте.

В левом крыле на первом этаже были столовая и родительские комнаты, на втором – наши с братом плюс комнаты для гостей. В правом крыле залы для приемов и библиотека в 35 тысяч томов, из них 500 «эльзевиров» и Библия 1462 года издания, ровесница книгопечатания. Все книги имели первичный переплет и экслибрис «Ex bibliotheca Arkhangelina».

В детстве я боялся подойти к библиотеке, потому что в ней сидела за столом заводная кукла в костюме и с лицом Жан Жака Руссо. Заведешь – движется.

Во флигеле помещалось собрание старинных экипажей. Особенно помню карету резного дерева с позолотой, с боками, расписанными Буше, и пурпурными бархатными диванами. Под одной из подушек был стульчак. Князь Николай заказал его себе, когда, больной, отправился на коронацию Павла I.

В 1912 году я устраивал в жилых комнатах современные удобства и некоторое время жил тут же. Потому стал разбираться в кладовых и чуланах и открыл сокровища. На чердаке в театре нашел пыльный рулон холста – это были декорации Пьетро Гонзаго. Я развернул их и вывесил на сцене – так они смотрелись лучше.

Тогда же нашел ящики с фарфором и хрусталем архангельских фабрик. Посуду я отвез в Петербург и украсил ею шкафы в столовой.

После смерти князя Николая Архангельское наследовал его сын Борис. На отца он нисколько не походил, характер имел совсем иной. Независимостью, прямоотой и простотой нажил более врагов, чем друзей. В выборе последних искал не богатство и положение, а доброту и честность.

Однажды ожидал он у себя царя с царицей. Церемониймейстер вычеркнул было кое-кого из списка гостей, но встретил решительный отпор князя: «Коли оказана мне честь принять государей моих, она оказана и всем близким моим».

Во время голода 1854 года князь на собственные средства кормил своих крестьян. Те души в нем не чаяли.

Унаследовав громадное состояние, дела он вел как мог. По правде, отец его долгое время колебался, оставить ли Архангельское сыну либо завещать казне. Видно, чувствовал, что князь Борис все переменит в нем. И действительно после смерти старого князя, при молодом, имение стало не для «растрат и услад», а для прибыли. Почти все картины и скульптуры перевезли в Петербург. Зверинец продали, театр разогнали. Император Николай вмешался было, но поздно: что случилось, то случилось.

По смерти Бориса наследовала ему вдова его. Женат он был на Зинаиде Ивановне Нарышкиной – впоследствии графиня де Шово. Единственный их сын – князь Николай, мой дед, отец моей матери.

ГЛАВА 3

Мое рождение – Матушкино разочарование – Берлинский зоологический сад – Моя прабабка – Дед с бабушкой – Родители – Брат Николай

Родился я 24 марта 1887 года в нашем петербургском доме на Мойке. Накануне, уверяли меня, матушка ночь напролет танцевала на балу в Зимнем, значит, говорили, дитя будет весело и склонно к танцам. И впрямь по натуре я весельчак, но танцор скверный.

При крещенье получил я имя Феликс. Крестили меня дед по матери князь Николай Юсупов и прабабка, графиня де Шово. На крестинах в домашней церкви поп чуть не утопил меня в купели, куда окунал три раза по православному обычаю. Говорят, я насилу очухался.

Родился я таким хилым, что врачи дали мне сроку жизни – сутки, и таким уродливым, что пятилетний братец мой Николай закричал, увидев меня: «Выкиньте его в окно!».

Я родился четвертым мальчиком. Двое умерло во младенчестве. Нося меня, матушка ожидала дочь, и детское приданое сшили розовое. Мною матушка была разочарована и, чтобы утешиться, до пяти лет одевала меня девочкой. Я не огорчился, даже, напротив, гордился. «Смотрите, – кричал я прохожим на улице, – какой я красивый!» Матушкин каприз впоследствии наложил отпечаток на мой характер.

Из самых ранних детских воспоминаний – поход в берлинский зоосад, когда оказался я в Берлине с родителями.

На мне была матроска, купленная накануне, на макушке шикарная бескозырка с лентами, в руке – тросточка. Вела меня няня, очень моим видом довольная.

У входа в зоопарк стояли страусы с экипажиками. Я захотел прокатиться, няня согласилась. Страус пошел хорошо, но вдруг без видимой причины взволновался и бешено погнал по дорожкам. Я сидел ни жив ни мертв в легкой колясочке. Страус остановился только у своей клетки. Служители и перепуганная няня добежали и вытащили меня. Я обезумел от страха и потерял бескозырку. Чтобы успокоить и утешить меня, няня повела меня ко львам. Эти сидели к нам спиной. Я пощекотал одного тросточкой, чтоб оглянулся. Ноль внимания и фунт презрения, даром я был хорош в новом костюмчике...

Учась в Оксфорде, я, проездом в Берлине, интереса ради зашел в зоопарк. Огромная обезьяна-самка Мисси, которую я угостил арахисом, вдруг вспылала ко мне такой дружкой, что сторож пригласил меня войти с ним в клетку. Я вошел неохотно. Мисси, однако, безумно обрадовалась, обняла меня длинными руками и крепко прижала к мохнатой груди. Мне это было неприятно, и я хотел уйти. Но, едва я отошел, обезьяна пронзительно закричала, и сторож попросил меня погулять с ней. Я предложил руку новой подруге и пошел с ней по дорожкам зоопарка. Прохожие хохотали и фотографировали нас.

Потом, всякий раз бывая в Берлине, я навещал приятельницу. Однажды клетка оказалась пуста. «Мисси умерла», – со слезами сказал служитель. Горе его было трогательно. Больше в берлинском зоопарке я не бывал.

В детстве посчастливилось мне знать прабабку мою, Зинаиду Ивановну Нарышкину, вторым браком графиню де Шово. Она умерла, когда было мне десять лет, но помню я ее очень ясно.

Прабабка моя была писаная красавица, жила весело и имела не одно приключение. Пережила она бурный роман с молодым революционером и поехала за ним, когда того посадили в Свеаборгскую крепость в Финляндии. Купила дом на горе напротив крепости, чтобы видеть окошко его каземата.

Когда сын ее женился, она отдала молодым дом на Мойке, а сама поселилась на Литейном. Этот новый ее дом был точь-в-точь как прежний, только меньше.

Впоследствии, разбирая прабабкин архив, среди посланий от разных знаменитых современников нашел я письма к ней императора Николая. Характер писем сомнений не оставлял. В одной записке Николай говорит, что дарит ей царскосельский домик «Эрмитаж» и просит прожить в нем лето, чтобы им было где видеться. К записке приколото копия ответа. Княгиня Юсупова благодарит Его Величество, но отказывается принять подарок, ибо привыкла жить у себя дома и вполне достаточна собственным именем! А все ж купила землицы близ дворца и построила домик – в точности государев подарок. И жила там, и принимала царских особ.

Двумя-тремя годами позже, поссорившись с императором, она уехала за границу. Обосновалась в Париже, в купленном ею особняке в районе Булонь-сюр-Сен, на Парк-де-Прэнс. Весь парижский бомонд Второй Империи бывал у нее. Наполеон III увлекся ею и делал авансы, но ответа не получил. На балу в Тюильри представили ей юного француза-офицера, миловидного и бедного, по фамилии Шово. Он ей понравился, и она вышла за него. Купила она ему замок Кериолет в Бретани и титул графа, а себе самой – маркизы де Серр. Граф де Шово вскоре умер, завещав замок своей любовнице. Графиня в бешенстве выкупила у соперницы замок втроедорога и подарила его тамошнему департаменту при условии, что замок будет музеем.

Каждый год мы ездили к прабабушке в Париж. Она жила одна с компаньонкой в своем доме на Парк-де-Прэнс. Поселялись мы во флигеле, соединенном с домом переходом, и в дом ходили по вечерам. Так и вижу прабабку, как на троне, в глубоком кресле, и на спинке кресла над ней три короны: княгини, графини, маркизы. Даром что старуха, оставалась она красавицей и сохраняла царственность манер и осанки. Сидела нарумяненная, надушенная, в рыжем парике и низке жемчужных бус.

В иных вещах проявляла она странную скупость. К примеру, угощала нас заплесневелыми шоколадными конфетами, какие хранила в бонбоньерке из горного хрусталя с инкрустацией. Я один их и ел. Думаю, потому она и любила меня особенно. Когда тянулся я к шоколадкам, которые никто не хотел, старушка гладила меня по голове и говорила: «Какое чудное дитя».

Умерла она, когда ей было сто лет, в Париже, в 1897 году, оставив моей матери все свои драгоценности, брату моему булонский особняк на Парк-де-Прэнс, а мне – дома в Москве и Санкт-Петербурге.

В 1925 году, живя в Париже в эмиграции, прочел я в газете, что при обыске наших петербургских домов большевики нашли в прабабкиной спальне потайную дверь, а за дверью – мужской скелет в саване... Потом гадал и гадал я о нем. Может, принадлежал он тому юному революционеру, прабабкиному возлюбленному, и она, устроив ему побег, так и прятала его у себя, пока не помер? Помню, когда, очень давно, разбирался я в той спальне в прадедовых бумагах, то было мне очень не по себе, и звал я лакея, чтобы не сидеть в комнате одному.

В прабабкином булонском доме долго никто не жил, потом его сдали, потом продали великому князю Павлу Александровичу, а после его смерти продали еще раз. Заняла его женская школа Дюпанлу, где позже училась моя дочь.

Дед мой по матери, князь Николай Борисович Юсупов, сын графини де Шово от первого брака, был человек замечательный и удивительный.

Блестяще закончив Петербургский университет, он поступил на государственную службу и всю жизнь служил отечеству.

В 1854 году во время Крымской войны на собственные средства он вооружил два артиллерийских батальона.

В войну русско-турецкую подаренный им армии санитарный поезд перевозил раненых из полевых лазаретов в госпитали Петербурга. Благотворил князь и в гражданской жизни. Основал множество благотворительных фондов, занимался, в частности, институтом для глухоне-

мых. Однако был он человек крайностей. Щедро давал деньги другим и ничего не тратил на себя. Когда путешествовал, останавливался в самых скромных гостиницах, в самых дешевых номерах. Уезжая, он выходил через служебный выход, чтобы не давать чаевых гостиничным лакеям. И, по натуре угрюмый и несдержанный, отпугивал от себя всех. Моя мать до смерти боялась ездить с ним. Дома в Петербурге, экономя на гостях, он запретил жечь свет в части комнат, и вечерами в освещенных гостиных было битком. Вдовствующая императрица, вспоминая дедовы странности, рассказывала, что на столе у него стояла серебряная посуда, но в вазах фрукты натуральные были перемешаны с искусственными. Однако пиры он задавал неслыханной роскоши. На одном из таких пиршеств в 1875 году состоялся исторический разговор между русским императором Александром III и французским генералом Ле Фло.

Бисмарк разозлился на Францию и объявлял во всеуслышание, что «покончит с ней». Перепуганные французы послали Ле Фло в Петербург просить царя уладить дело. Деду поручено было устроить прием, где могли бы переговорить царь с посланником.

В тот вечер в домашнем театре играли французскую пьесу. Было условлено, что после спектакля царь остановится у окна в фойе, и француз подойдет к нему.

Когда дед увидал их вместе, он подозвал мою мать и сказал: «Смотри и помни: на твоих глазах решается судьба Франции».

Александр обещал помочь, и Бисмарка предупредили, что, если он не уgomонится, в дело вмешается Россия.

Князь до страсти любил искусство и всю жизнь покровительствовал талантам. Обожал музыку и сам прекрасно играл на скрипке. В его коллекции скрипок были «Амати» и «Страдивари». Матушка, решив, что я унаследовал от деда способности к музыке, наняла мне консерваторского преподавателя. Но ни он, ни даже «Страдивари» не помогли. Преподавателя рассчитали, бесценную скрипку убрали в футляр.

Итак, коллекцию князя Николая-старшего продолжал князь Николай-младший, любя, как и дед, все изящное. В шкафах в его рабочем кабинете собраны были табакерки, хрустальные кубки, полные самоцветов, и прочие дорогие безделушки. От бабки Татьяны передалась ему страсть к драгоценностям. При себе он всегда носил замшевый мешочек с гранеными камнями, которыми любил поиграть и похвастаться. И рассказывал, что часто забавлял меня, ребенка, катая по столу цельную восточную жемчужину: столь крупна и совершенна она была, что дырку в ней делать не стали.

Дед мой писал и книги о музыке, но главное – написал историю нашего семейства. Женат он был на графине Татьяне Александровне де Рибопьер. Я, впрочем, ее не знал, умерла она до матушкиной свадьбы. Здоровья бабка была слабого, потому часто ездила вместе с дедом за границу, на воды и в Швейцарию – там, на Женевском озере имели они дом. Но швейцарское имение не обогатило русских владельцев. Хозяйство было запущено, и родителям моим пришлось попотеть, чтобы восстановить его.

Дед умер в Баден-Бадене после долгой болезни. Там, помнится, в детстве я и видел его. По утрам мы с братом навещали больного в скромной гостинице, где проживал он. Сидел в вольтеровском кресле, покрыв ноги шотландским пледом. Рядом на столике с пузырьками и склянками непременно стояла бутылка малаги и коробка печенья. Там-то и вкусил я свой первый аперитив.

Бабки своей по материнской линии я не знал. Говорят, была она добра и умна. И, видимо, красива – судя по дивному портрету ее работы Винтергальтера. Окружали ее вечно приживалки, кумушки, в общем, никчемные, но в старинных семьях необходимые домочадки. Некая Анна Артамоновна всех и дел-то имела, что хранить бабкину соболью муфту в картонке. Когда Артамоновна умерла, бабка открыла картонку: муфты не было. Вместо муфты лежала записка, писанная покойницей: «Прости и помилуй, Господи, рабу твою Анну за прегрешения ее, вольные или невольные».

Бабка особо следила за воспитанием дочери. Семи лет матушка моя была готовой светской дамой: могла принять гостей и поддержать разговор. Однажды бабке нанес визит некий посланник, но та велела дочери, малому ребенку, принять его. Матушка старалась изо всех сил, угощала чаем, сладостями, сигарами. Все напрасно! Посланник ожидал хозяйку и на бедное дитя даже не смотрел. Матушка исчерпала все, что умела, и совсем было отчаялась, но тут ее озарило, и она сказала посланнику: «Не желаете ли пипи?» Лед был сломан. Бабка, войдя в залу, увидела, что гость хохочет как сумасшедший.

По отцовской линии знал я только бабку. Дед – Феликс Эльстон умер задолго до моего рождения. Говорят, отец его был прусский король Фридрих Вильгельм IV, а мать – фрейлина сестры его, императрицы Александры Федоровны. Та, поехав навестить брата, взяла с собой фрейлину. Прусский король так влюбился в сию девицу, что даже хотел жениться. Одни говорят, что он и женился морганатическим браком. Другие утверждают, что девица отказала, не желая расставаться с государыней, но короля все же любила, и что плодом их тайной любви и был Феликс Эльстон. Тогдашние злые языки уверяли, что фамилия Эльстон – от французского «эль с'этон» (*elle s'etonne* – она удивляется), что, дескать, выразило чувство юной матери.

До 16 лет дед мой жил в Германии, потом уехал в Россию и вступил в армию. Позже командовал донскими казаками.

Женился он на графине Елене Сергеевне Сумароковой. Она была последней представительницей славного рода, и по сему случаю государь позволил Эльстону принять фамилию и титул жены. Та же честь была оказана моему отцу, когда женился он на последней из рода князей Юсуповых.

Бабушка, мать моего отца, была почтенной старушкой, круглой, как пышка, с миловидным лицом и добрым взглядом. Однако нередко чудила. К примеру, набивала карманы юбок всякой дребеденью и объявляла: «Прекрасные подарки друзьям». «Прекрасными подарками» были щетки для зубов, пантуфли, лекарства, туалетные принадлежности, порой весьма интимные. Все это она вываливала перед гостями и жадно следила за выраженьем лиц, силясь угадать, кому что понравится. Поэтому родители, когда являлись гости, искали предлог увести ее от гостиной подальше.

Были у нее две страсти: она собирала марки и разводила шелковичных червей. Черви заволокли дом. Они покрывали все кресла, и гости, садясь, давили их и пачкали платье.

В бытность нашу в Крыму бабушка увлеклась садоводством. Она и тут чудила. Уверила себя, что улитки – лучшее удобренье для сада, и собирала их по всему имению, а потом давила ногами то, что собрала, и сию клейкую кашу сдавала садовникам. Садовники кашу выбрасывали, но, не желая огорчать бабушку, две-три недели спустя приносили ей отборные цветы и фрукты, ращенные, как заверяли они, на «улитках».

Но щедрость ее не знала границ. Когда раздавала все, что имела сама, умоляла друзей помочь бедным. Нас с братом она очень любила, хотя частенько и становилась жертвою наших с ним розыгрышей. Любимой нашей шуткой было посадить ее в лифт и остановить его меж этажами. Бедная старушка пугалась и звала на помощь, а мы являлись и якобы спасали ее, за что получали вознаграждение. То же мы проделывали и с гостями, с теми, кого не терпели, но уж их-то мы не спасали. Выручали их слуги, прибежав на крики.

Своим страстям бабушка осталась верна до конца. Умирая, она потребовала шелковичных червей, поглядела на них и умерла умиротворенной.

«Прямую дорогой» – таков девиз Сумароковых. Мой отец оставался всю жизнь верен ему. И нравственно был выше многих людей нашего круга. Собою он был очень хорош, высок, тонок, элегантен, кареглаз и черноволос. С годами он погрузнел, но статности не утратил. Имел более здравомыслия, чем глубокомыслия. За доброту любили его простые люди, особенно подчиненные, но за прямоту и резкость порою недолюбливало начальство.

В юности захотелось ему воинской карьеры. Он поступил в гвардейский полк и впоследствии командовал им, а еще позже стал генералом и состоял в императорской свите. В конце 1914 года государь отправил его с миссией за границу, а по возвращении назначил московским генерал-губернатором.

Отец не готов был управлять колоссальным матушкиным состоянием и распоряжался им очень неудачно. Со старостью он тоже стал чудить, весь в мать, графиню Елену Сергеевну. С женой они были совсем разные, и понять он ее не мог. По природе солдат, ее ученых друзей не жаловал. Но из любви к нему матушка пожертвовала привычками и привязанностями и лишила себя многого, в чем могла бы найти радость жизни.

В отношениях наших с отцом всегда была дистанция. Утром и вечером мы целовали ему руку. О нашей жизни он ничего не знал. Ни я, ни брат разговора по душам никогда с ним не имели.

Матушка была восхитительна. Высока, тонка, изящна, смугла и черноволоса, с блестящими, как звезды, глазами. Умна, образованна, артистична, добра. Чарам ее никто не мог противиться. Но дарованьями своими она не чванилась, а была сама простота и скромность. «Чем больше дано вам, – повторяла она мне и брату, – тем более вы должны другим. Будьте скромны. Если в чем выше других, упаси вас Бог показать им это». Руки ее просили знаменитые европейцы, в том числе августейшие, однако она отказала всем, желая выбрать супруга по своему вкусу. Дед мечтал увидеть дочь на троне и теперь огорчился, что она не честолюбива. И уж совсем расстроился, узнав, что она выходит за графа Сумарокова-Эльстона, простого гвардейского офицера.

Матушка от природы имела способности к танцу и драме и танцевала и играла не хуже актрис. Во дворце на балу, где гости одеты были в боярское платье XVII века, государь просил ее сплясать русскую. Она пошла, заранее не готовясь, но плясала так прекрасно, что музыканты без труда подыграли ей. Ее вызывали пять раз.

Знаменитый театральный режиссер Станиславский, увидав ее на благотворительном вечере в «Романтиках» Ростана, звал ее к себе в труппу, уверяя, что подлинное ее место – сцена.

Всюду, куда матушка входила, она несла с собой свет. Глаза ее сияли добротой и кротостью. Одевалась она изящно и строго. Не любила драгоценностей, хотя обладала лучшими в мире, и носила их только в особых случаях.

Когда тетка испанского короля инфанта Эулалия приехала в Россию, родители дали обед в ее честь в своем московском доме. О впечатлении, произведенном на нее матушкой, инфанта в своих «Мемуарах» пишет так:

«Более всего поразило меня празднество в мою честь у князей Юсуповых. Княгиня была необычайно красива, тою красотой, какая есть символ эпохи. Жила среди картин, скульптур в пышной обстановке византийского стиля. В окнах дворца мрачный город и колокольни. Кричащая роскошь в русском вкусе сочеталась у Юсуповых с чисто французским изяществом. На обеде хозяйка сидела в парадном платье, шитом брильянтами и дивным восточным жемчугом. Статна, гибка, на голове – кокошник, по-нашему, диадема, также в жемчугах и брильянтах, сей убор один – целое состояние. Поразительные драгоценности, сокровища Запада и Востока, довершали наряд. В жемчужных низках, тяжелых золотых браслетах с византийским узором, серьгах с бирюзой и жемчугом и в кольцах, сияющих всеми цветами радуги, княгиня была похожа на древнюю императрицу...»

В другой раз, однако, было иначе. Родители мои сопровождали в Англию великих князя и княгиню Сергея и Елизавету на торжества по случаю юбилея королевы Виктории. Драгоценности при английском дворе обязательны. Великий князь посоветовал матушке взять с собой лучшие брильянты. Рыжий кожаный саквояж с сокровищами поручили ехавшему с родителями лакею. Вечером, по прибытии в Виндзор, матушка, одеваясь к обеду, велела горнич-

ной принести кольца с ожерельями. Но рыжий саквояж пропал. На обеде матушка сидела в парадном платье без единого украшения. На другой день саквояж отыскался в багаже немецкой принцессы, чьи вещи спутали с нашими.

В раннем детстве моей самой большой радостью было видеть матушку в нарядных платьях. Помню до сих пор платье абрикосового бархата с соболей оторочкой, в каком красовалась она на приеме в честь китайского министра Ли Хунчжана, бывшего проездом в Петербурге. В пандан к платью матушка надела брильянтовое кольцо с черным жемчугом. На приеме, между прочим, узнала матушка, что такое китайская вежливость. Под конец обеда двое лакеев с черными лоснящимися косицами степенно приблизились к Ли Хунчжану, неся серебряный тазик, два павлиньих пера и полотенце. Китаец взял перо, пощекотал в горле и изрыгнул все съеденное в таз. Матушка в ужасе повернулась к гостю слева, дипломату, долго жившему в Поднебесной.

– Княгиня, – отвечал тот, – считайте, что вам оказана величайшая честь. Своим поступком Хунчжан дает понять, что кушанья восхитительны и он готов отобедать еще раз.

Матушку очень любило все императорское семейство, в частности сестра царицы великая княгиня Елизавета Федоровна. С царем матушка тоже была в дружбе, но с царицей дружила недолго. Княгиня Юсупова была слишком независима и говорила что думала, даже рискуя рассердить. Не мудрено, что государыне нашептали что-то, и та перестала с ней видаться.

В 1917 году лейб-медик, дантист Кастрицкий, возвратясь из Tobольска, где царская семья находилась под арестом, прочел нам последнее государево посланье, переданное ему:

«Когда увидите княгиню Юсупову, скажите ей, что я понял, сколь правильны были ее предупреждения. Если бы к ним прислушались, многих трагедий бы избежали».

Политики и министры ценили матушкину прозорливость и верность суждения. Была она истинной правнучкой прадеда своего, князя Николая, могла бы держать политический салон. По скромности, однако, оставалась в тени, но тем вызывала к себе еще большее уважение.

Матушка не дорожила своим богатством и распоряжаться им поручила отцу, а сама занялась благотворительностью и попеченьями о своих крестьянах. Выбери она иного супруга, возможно, сыграла бы свою роль не только в России, но и в Европе.

Пять лет разницы у нас с братом поначалу мешали нашей дружбе, но, когда мне исполнилось шестнадцать лет, мы сблизились. Николай учился в Петербурге, закончил Санкт-Петербургский университет. Как и я, не любил он армейской жизни и от военной карьеры отказался. По характеру был скорее в отца и на меня не походил. Но от матери унаследовал склонность к музыке, литературе, театру. В двадцать два года руководил любительской актерской труппой, игравшей по частным театрам. Отец этим его вкусам противился и дать ему домашний театр отказался. Николай и меня пытался затащить в актеры. Но первая проба стала и последней: роль гнома, какую дал он мне, оскорбила мое самолюбие и отвратила от сцены.

Николай был высоким, стройным юношей. Брюнет, темные глаза выразительны, брови густы, а губы крупны и чувственны. Имел красивый баритон и пел, сам себе подыгрывая на гитаре.

С годами стал властен и резок, уважал лишь свое мнение и делал что хотел. Терпеть не мог наших гостей, как, впрочем, и я. Люди эти были важны и лицемерны. В их обществе мы, борясь со скукой, придумали объясняться движеньем губ. И столь понаторели в этой азбуке, что откровенно насмеялись над гостями в их же присутствии. Правда, в конце концов были разгаданы и нажили себе немало врагов.

ГЛАВА 4

Коронование Николая II – Празднества в Архангельском и нашем московском доме – Мария, жена румынского престолонаследника – Князь Грицко

В 1896 году по случаю восшествия на престол императора Николая II уже с мая мы находились в Архангельском, принимая многочисленных гостей, прибывших на коронационные торжества. В числе приглашенных был румынский престолонаследник с супругой княгиней Марией. В их честь родители мои выписали из Москвы модный в то время румынский оркестр. Стефанеско, музыкант оркестра, игравший на цимбалах, стал впоследствии моим частым спутником. Я то и дело брал его в поездки. Очень я любил его слушать, и порой он играл для меня ночь напролет.

Великий князь с княгиней, Сергей и Елизавета, тоже принимали с утра до вечера друзей и родню у себя в Ильинском и пяти верстах от нас. Часто бывали они и в Архангельском. Появлялись и царь с царицей у нас на балах, по блеску не уступавших дворцовым.

Ожил домашний театр. Из Петербурга отец с матерью выписали итальянскую оперу с Мадзини и Арнольдсон и Танцовщиков. Однажды давали «Фауста».

За минуту до начала матушке передано было, что г-жа Арнольдсон петь отказывается потому-де, что в сцене в саду поставили у рампы цветы с неприятным для госпожи певицы запахом. В считанные секунды цветы заменили зеленью. Помню и другой фокус: зрителей рассаживали в ложи, а партер устали чайными розами, и зал благоухал, как розарий.

После спектакля собирались на террасе. Столики с канделябрами в середине были накрыты к ужину. Вспыхивал фейерверк, и огненная феерия столь потрясала меня, ребенка, что идти спать я ни за что не хотел.

Веселье продолжалось в Москве, куда родители с гостями отправились за несколько дней до коронации. Московский наш дом хранил отпечаток эпохи: широкие сводчатые залы, мебель XVI века, богатая узорчатая утварь. Пышность в византийском вкусе, то, что надобно для подобных приемов. Принцы-европейцы клялись, что ничего пышней не видали.

Для таких празднеств мы с братом оказались слишком малы и оставлены были в Архангельском. Однако ж в день коронации привезли в Москву и нас. И сегодня, стоит закрыть глаза, вижу ярко освещенный Кремль, красно-зеленые крыши теремов и золотые купола храмов.

Утром из Большого Кремлевского дворца шествие двинулось в Успенский собор. После церемонии царь и обе царицы в коронах и царских мантиях, сопровождаемые всею царской семьей и иностранными принцами, из собора направились во дворец обратно. Золото, брильянты, рубины сверкали в тот день на солнце ярче самого солнца. Только в России могло иметь место подобное зрелище! Царь с царицей, представшие перед толпой, были и впрямь помазанники Божьи! И кто бы мог подумать, что двадцать два года спустя от всего великолепия и величия останется одно воспоминанье?

Рассказывают, что, одевая царицу к коронации, одна из ее женщин уколола палец о застежку мантии, и капля крови упала на горностаи.

Три дня спустя была ходынская трагедия. Вследствие плохой организации на раздаче народу царских подарков случилась чудовищная давка. Тысячи людей были растоптаны. Кто-то усмотрел в том мрачное предзнаменование для нового царствования.

Почти все коронационные торжества были после того отменены. Однако нашлись у Николая дурные советчики. Царь уступил и в день Ходынки явился на бал к французскому послу. Меж великими князьями вспыхнула ссора. Трое братьев великого князя Сергея Алексан-

дровича, тогдашнего московского генерал-губернатора, желая приуменьшить катастрофу, за какую был немало ответствен их брат, заявили, что программу торжеств изменять не должно. Им решительно возразили четверо Михайловичей (великий князь Александр, мой будущий тесть, с братьями) и были обвинены в интриганстве против родных.

После коронации родители с гостями вернулись в Архангельское. Румынские князь с княгиней, Фердинанд и Мария, также продолжали гостить. Фердинанду дядей приходился румынский король Кароль I. Помню короля частым матушкиным гостем. Он был красив и величествен, седовлас и с орлиным профилем. По слухам, он любил политику и деньги и не любил жены. Супруга его, княгиня Виде, писала романы под псевдонимом Кармен Сильва. Детей у них не было. Фердинанд, таким образом, наследовал трон. Этот был малым добрым, но вполне заурядным, застенчивым, вялым и в семье, и в политике. Мог бы сойти за красавца, не будь лопух. Женат он был на старшей дочери княгини Марии Саксен-Кобург-Готской, сестры нашего Александра III.

Княгиня уже прославилась красотой. Глаза ее имели столь поразительный серо-голубой оттенок, что, один только раз глянув в них, помнили их вечно. Она была стройна и тонка, как стебель. Я был покорен. Ходил за ней, как тень. По ночам не спал и думал о ней. Однажды она меня поцеловала. Я был так счастлив, что вечером отказался умываться. Она, услышав об этом, очень смеялась. Много лет спустя в Лондоне на обеде у австрийского посланника я вновь встретился с княгиней Марией. Я заговорил с ней об этой истории. Она ее помнила.

В те дни еще один случай потряс мое детское воображение. Однажды, обедая, услышали мы топот копыт в соседней комнате. Дверь распахнулась, и явился нам статный всадник на прекрасном скакуне и с букетом роз. Розы он бросил к ногам моей матери. Это был князь Грицко Витгенштейн, офицер государевой свиты, красавец, известный причудник. Женщины по нем с ума сходили. Отец, оскорбясь его дерзостью, объявил ему, чтобы не смел он впредь переступать порог нашего дома.

Я поначалу осудил отца. Верхом несправедливости показались мне его слова – кому! – истинному герою, идеальному рыцарю, какой не побоится выразить любовь свою поступком, исполненным изящества.

ГЛАВА 5

Мои детские болезни – Товарищи по играм – Аргентинец – Выставка 1900 года – Генерал Верное – Клоун – Путешествия воспитывают

В детстве переболел я всеми детскими болезнями и долго был слабым и чахлым. Худобы своей очень стыдился, не знал, что сделать, чтоб растолстеть. С надеждой прочел я рекламу «Восточных пилюль». Тайком принялся их глотать, но без толку. Лечивший меня врач, заметив коробочку у меня на тумбочке, спросил, в чем дело. Когда я сознался, он захохотал и велел мне их выкинуть.

Наблюдало меня несколько докторов, но более других любил я доктора Коровина, которого за фамилию прозвал дядя Му. С постели заслышав его шаги, я мычал, и он немедленно мычал в ответ. Как все старые доктора, он слушал меня через салфетку. Я обожал запах его лосьона для волос и долго считал, что волосы у докторов всегда сладко пахнут.

Оказался я с характером. И теперь без стыда не вспомню, как мучил я воспитателей. Первой была няня-немка. Сперва она растила моего брата, потом перешла ко мне. Несчастливая любовь к секретарю отца свела ее с ума. Думаю, мой дурной нрав довершил дело. Отец с матерью, насколько помню, поместили ее в лечебницу для умалишенных, где пребывала она, пока не выздоровела. Меня же поручили старой матушкиной гувернантке мадемуазель Версиловой, женщине замечательно доброй, преданной, ставшей отчасти членом семьи.

Учился я плохо. Гувернантка думала подхлестнуть меня, взяв соучеников. Но я все равно зевал, ленился и дурным примером заразил товарищей. К старости м-ль Версилова вышла замуж за швейцарца мсье Пенара, братнина учителя, доброго и знающего, о нем вспоминаю с любовью. Сейчас ему девяносто шесть лет. Живет он в Женеве. Иногда пишет мне. Его письма навевают далекое прошлое, когда я столь часто испытывал его доброту и терпенье.

Близкой родни у матушки не было. Кутузовы, Кантакузины, Рибопьеры и Стаховичи – седьмая вода на киселе. Мы дружили на расстоянии. Двоюродный брат с сестрой Сумароковы, Елена и Михаил, были не ближе. Отец их болел, и жили они с ним за границей почти постоянно. Приятелями нашими, товарищами игр, сделались дети отцовой сестры Миша, Володя и Ира Лазаревы да две дочери дяди Сумарокова-Эльстона, Катя и Зина.

Влюблены мы все были в Катеньку, красотку. Сестра была попроще, но ее мы любили за доброе сердце. Старший Лазарев, Миша, ровесник более моему брату, был острослов и умница. Володя немного нелеп, но в этом, казалось, особая прелесть. Выразительно-живое лицо и нос картошкой делали его похожим на клоуна. Он был неутомим и меж нас заводилой. Благороден, но легкомыслен, он ни к чему не относился всерьез. Все ему потеха. Одна игра на уме. Вместе с ним мы отчаянно шалили, и воспоминание об этих шалостях до сих пор вгоняет меня в краску. У сестры его Ирины был столь же веселый нрав, а ее египетский профиль и длинные зеленые глаза уже покорили немало сердец.

В нашу компанию входили также дети министра юстиции Муравьева и государственного секретаря Танеева. В воскресные дни мы собирались на Мойке.

Раз в неделю модный учитель танцев мсье Троицкий являлся посвятить нас в тайны вальса и кадрили. Тонкий, жеманный, напомаженный и надушенный. Седящая борода с прямым пробором посередине. Приходил, подпрыгивая, в костюме безупречной кройки, лаковых туфлях, белых перчатках и с цветком в бутоньерке.

Моей постоянной партнершей была Шура Муравьева, девочка милая и умная. Танцор я вышел никудышный. Она кротко терпела мою неуклюжесть и не сердилась, хотя на ноги наступал я ей то и дело. С Шурой мы стали друзьями навечно.

По субботам бывали танцевальные вечера у детей Танеевых. Проходили они шумно и весело. Танеева-старшая, рослая, сильная девица с толстым лоснящимся лицом, была напрочь лишена обаяния. Ума за ней тоже не водилось. Только хитрость да жир. Охотников танцевать с ней не было. Кто бы мог подумать, что толстуха Анна сблизится с царской семьей да еще сыграет столь роковую роль! Головокружительному восхождению Распутина помогла Танеева также.

Я достиг возраста, когда все непонятно, и приставал с вопросами к взрослым. Когда спрашивал я, откуда все взялось, мне отвечали: от Бога.

– А кто такой Бог?

– Незримая сила на небесах.

Ответ неопределенный, разъяснял мало, и долго я всматривался в небо, надеясь узреть там что-то или хотя как-то уточнить объяснение.

Но чем больше я пытался разъяснить тайну происхождения людей, тем меньше меня удовлетворяли даваемые ответы. Мне говорили об Адаме и Еве, объясняли таинство Христово, а потом сказали, что мал я еще для таких вещей, что вырасту и сам все пойму. На этом я, разумеется, не мог успокоиться. Пришлось решать вопрос самому, и решил я его по-своему. Представил я, что Бог – царь царей и сидит средь облаков на золотом троне в окружении придворных-архангелов. А птицы, думал я, – поставщики двора Его Небесного Величества, и оставлял им на окне на тарелке часть своего обеда. Еда с тарелки исчезала, и я радовался, что царь царей принял подношение.

А что до вопроса, откуда берутся дети, тут я тоже долго не гадал. Решил, что, к примеру, несомое курицей яйцо – петушиная частица. Она отпадает от петуха и становится новым петухом, и так же происходит и у людей. Сей любопытный вывод сделал я, заметив некоторое различие у мужских и женских статуй, а также внимательно рассмотрев собственные анатомические особенности.

Этим представлением я и довольствовался, пока не предстала мне однажды грубая действительность. Произошло это в результате случайной встречи в Контрексевиле, где матушка проходила курс лечения. Было мне тогда лет двенадцать. В тот вечер я вышел после ужина на прогулку в парк. Идучи мимо ручья, в окнах беседки увидел я, как смуглый юноша прижимает к себе хорошенькую девицу. По всему, получали они сильное удовольствие. Непонятное чувство овладело мной. Я подошел, чтобы исподтишка рассмотреть.

Вернувшись, я рассказал матушке о том, что увидел. Она смутилась и поспешила заговорить о другом.

В ту ночь я не мог заснуть. Эта сцена стояла у меня перед глазами. На завтра в тот же час я вернулся к беседке – никого. Я хотел было уйти, но заметил на аллее того смуглолицего типа. Он направлялся в беседку. Я подошел и прямо спросил, не свиданье ли у него с той барышней. Сначала он посмотрел с удивленьем, но потом засмеялся и осведомился, что мне за дело. Я объяснил, что видел их накануне, и он сказал, что свиданье у него с барышней позже, у него в номере, и пригласил меня прийти. Судите сами, как взволновался я.

Дома все устроилось мне на руку. Матушка, устав, легла рано, отец ушел играть в карты с приятелями. Гостиница, куда я был зван, – рядом. Смуглолицый ждал меня, сидя на ступеньках. Он похвалил меня за точность и увел в номер. Когда явилась барышня, я уже знал, что он – аргентинец.

Не помню, сколько я пробыл у них. Вернувшись к себе, я не раздеваясь бросился на постель и заснул как убитый. В тот вечер вдруг разъяснилось для меня все. За два-три часа наивное и невинное дитя приобщилось ко взрослым тайнам. А что до самого аргентинца, приобщившего меня, он исчез на другой день, и никогда более я не встречал его.

Поначалу я хотел во всем признаться матушке, однако не решился от стыда и от страха. Отношения между мужчиной и женщиной так поразили меня еще и потому, что прежде я ни

о чем таком и думать не думал. Теперь же, благодаря откровениям аргентинца, я представлял себе знакомых господ и дам в самых немыслимых положениях. Неужели они все ведут себя так? От этих диких картин моя детская голова пошла кругом. Вскоре я рассказал об этом брату, но тот, к моему удивлению, выслушал все равнодушно. Тогда я замкнулся в себе и ни с кем более об этом не заговаривал.

В 1900 году наша семья поехала в Париж на Всемирную выставку. Выставку помню очень смутно. Таскали меня на солнцепеке с утра до вечера по скучным павильонам. Я устал и выставку возненавидел. Однажды днем, когда особенно изнемог, я заметил неподалеку пожарную кишку. Я схватил ее и направил на толпу, усердно поливая всякого, кто хотел ко мне подойти. Народ закричал, поднялась суматоха, даже паника. Прибежали полицейские. Они вырвали у меня кишку и препроводили и меня, и семейство мое в участок. После долгих споров удалось убедить блюстителей порядка, что у меня легкое помрачение рассудка, исключительно от жары, и нас отпустили, заставив, однако, уплатить штраф. В наказание родители запретили мне ходить на выставку, не зная, что их наказание мне – великая награда. После этого я разгуливал по Парижу в свое удовольствие, заходил в бары и знакомился с кем ни попадя. Когда же я привел новых знакомцев к нам в отель, родители ужаснулись и впредь запретили мне гулять одному.

А вот Версаль и Трианон поразили меня. Историю Людовика XVI и Марии Антуанетты знал я очень приблизительно. Когда же узнал я во всех подробностях об их трагическом конце, я буквально устроил культ обоим мученикам. Повесил у себя в комнате их портреты и всякий день ставил перед портретами свежие цветы.

Когда отец с матерью отправлялись за границу, с ними непременно ехал кто-нибудь из друзей. На этот раз с нами поехал генерал Бернов, которого все звали неизвестно почему «тетя Вотя». Толстый и некрасивый, с предлинными усами, которыми гордился, он был похож на тюленя. А на деле – добряк, чистый генерал Дуракин. Подчинялся всем отцовым прихотям, а отец без него не мог ни минуты. Было у генерала любимое выражение «ну-ка стой», какое в разговоре вставлял он дело не по делу. Притом никто не знал, к чему именно оно относится. Эта его присказка сослужила ему однажды плохую службу. Как-то на параде вел он гвардейский полк и перед царской трибуной должен был погнать галопом и с саблями наголо. Отдавая приказ: «В галоп!», он крикнул свое «ну-ка, стой» и помчал во весь опор, не заметив, что гвардейцы его, остановленные странной командой, не стронулись с места.

Русские офицеры всегда, даже не находясь на службе, носили военный мундир. К штатскому платью они не привыкли и выглядели в нем странно, а порой сомнительно. Вот почему отец со своим приятелем-генералом вызвали подозрение у ювелира Бушрона, когда принесли ему в починку матушкины украшения. Завидев бесценные бриллианты в руках двух подозрительных субъектов, ювелир поспешил предупредить полицию. Ошибку свою он признал тогда лишь, когда предъявили они бумаги, удостоверявшие личность. Тут уж ювелир рассыпался в извинениях.

Однажды мы с матушкой оказались на рю де ля Пэ и встретили торговца собаками. Рыжий песик с черной мордочкой по кличке Наполеон так мне понравился, что я стал упрашивать матушку купить его. Матушка, к моей радости, согласилась. А вот собачью кличку я счел кощунственной и переименовал его в Клоуна.

Восемнадцать лет Клоун не расставался со мной, был мне верным товарищем. Очень скоро он стал знаменит. Все, от членов императорской фамилии до последнего нашего холопа, знали и любили его. Он был как уличный парижский мальчишка, любил пофрантить и принимал важный вид перед фотографами. Обожал конфеты и шампанское. Когда пьянел, становился уморительным. А если у него пучило живот, он подходил к камину и совал туда зад с виноватым видом, точно прося прощения.

У Клоуна были свои симпатии, а также свои антипатии, совершенно неодолимые. Не любил – непременно задира л ногу на брюки или юбку врага. К примеру, так возненавидел одну матушкину приятельницу, что пришлось его запереть, когда та приходила к нам. Однажды она явилась в восхитительном воровском платье розового бархата. К несчастью, Клоуна запереть забыли. Едва приятельница вошла, он бросился к ней и облил ей весь подол. С дамой случилась истерика.

Клоун мог бы выступать в цирке. В жокейском костюмчике он забирался на пони и с трубкой в зубах изображал курильщика. Был он и охотником неплохим и приносил дичь, как настоящая охотничья собака.

Однажды заехал к матушке обер-прокурор Святейшего синода и, на мой взгляд, слишком засиделся. Решил я действовать при помощи Клоуна. Густо набелил и нарумянил его, как старую кокотку, напялил на него парик и платье и выпустил в таком виде в гостиную. Клоун понял, чего от него ждут, и вызываяще, на задних лапках, прошел к гостю. Тот, скандализированный, немедленно удалился. Мне только того и надо было.

С Клоуном мы не разлучались. Он ходил за мной всюду, а ночью спал рядом на подушке. Когда Серов писал мой портрет, то просил, чтоб и Клоун сидел при мне непременно: говорил, это лучшая его модель.

Прожив восемнадцать лет, Клоун умер, и я похоронил его в саду нашего дома на Мойке.

Великий князь Михаил Николаевич и сын его великий князь Алексей каждое лето приезжали на несколько дней погостить в Архангельское. Великий князь Михаил был последним сыном императора Николая I. Он участвовал в Крымской, Кавказской и Турецкой войнах и двадцать два года оставался императорским наместником на Кавказе, а по возвращении получил пост главного инспектора артиллерии и должность председателя Государственного совета.

В детстве моем великий князь Алексей, старше меня на десять лет, непременно привозил мне игрушки. Помню, в частности, надувного Арлекина – в надутом виде вдвое больше меня. Очень я ему обрадовался. Однако радость была недолговечна: белка Типти очень скоро в клочки растерзала его.

Великий князь Михаил любил смотреть, как мы с братом играем в теннис. Усевшись в глубокое кресло, мог часами наблюдать за игрой. Игроком я был никудышным, мячи посылал во все стороны и однажды угодил великому князю в глаз. Удар оказался столь сильным, что пришлось вызвать окулиста, московскую знаменитость, дабы великий князь сохранил глаз.

Оплошность подобного рода я совершил еще раз в Павловске, в летнем доме великого князя Константина Константиновича. Там же находились сестра его, греческая королева Ольга, и мать, великая княгиня Александра Осиповна, почтенная пожилая особа, которую в кресле на колесах катали по саду. Все ее очень почитали. Когда ее этак вывозили в сопровождение родных, казалось, движется шествие с церковным пастырем во главе.

Однажды каталку с великой княгиней вывезли из дворца, когда младший сын королевы Ольги, принц Христофор, и я играли в мяч на дворцовой лужайке. С обычной своей неловкостью я сильно ударил по мячу. Мяч полетел в сторону кресла и попал почтенной даме прямо в лицо.

В Петербурге великий князь Константин жил во Мраморном дворце – роскошном здании из серого мрамора, построенном Екатериной II для фаворита своего графа Орлова. Я хаживал туда играть с великокняжескими детьми. Однажды вздумалось им поиграть в похороны президента Феликса Фора, моего тезки. Всю игру я усердно изображал покойника. Однако, не успели меня вытащить из «могилы», я, разозленный, наставил своим «могильщикам» фонарей под глазом. С тех пор ни во Мраморный дворец, ни в Павловск меня не звали.

До пятнадцати лет я страдал лунатизмом. Как-то ночью в Архангельском я очнулся верхом на балюстраде одного из балконов. Разбудил меня, видимо, птичий крик. Увидав, что внизу пропасть, я до смерти перепугался. На мой крик прибежал лакей и выручил меня. Я был

так благодарен ему, что упросил родителей дать мне его в услуженье. С тех пор Иван находился при мне неотлучно, и я считал его скорее другом, нежели слугой. Оставался он со мной вплоть до 17-го года. Когда страхась революция, он был в отпуске. Обратного доехать до меня ему не удалось, и я навсегда потерял его след.

В 1902 году отец с матерью отправили меня в путешествие по Италии со старым преподавателем искусства Адрианом Праховым. Шутовской вид старика учителя тотчас бросался в глаза. Коротенький и большеголовый, с шапкой волос и рыжей бородой, он походил на клоуна. Мы решили звать друг друга «дон Адриано» и «дон Феличе». Начали вояж мы в Венеции, кончили Сицилией. Учитель научил меня, однако, не совсем тому, чему должен был.

Я изнемогал от жары, и художественные красоты Италии созерцал неохотно. Зато дон Адриано бегал по церквам и музеям неумолимо и весело. Часами простаивал у картин и каждому встречному-поперечному рассказывал о них по-французски с чудовищным акцентом. Туристы, пораженные его эрудицией, ходили за нами толпами. Что до меня, я терпеть не мог коллективного обучения и проклинал этих потных субъектов с фотографическими аппаратами, постоянных наших преследователей.

Одевался дон Адриано очень, по его мнению, подходяще к тамошнему климату: носил белый шелковый костюм, соломенную шляпу и зонтик на ярко-зеленой подкладке. По улице за нами вечно бежали мальчишки. Как ни мал я был, а понял, что не с ним бы плавать в венецианской гондоле.

Прибыв в Неаполь, мы сняли номер в гостинице «Везувий». Жарко было нестерпимо, и до вечера я и носа на улицу не казал. Учитель целыми днями бегал по своим неаполитанским знакомым, коих имел много, а я скучал в гостинице. На закате, когда жара спадала, я выходил на балкон и смотрел на прохожих. Иногда заговаривал с кем-нибудь, но по-итальянски говорил через пень-колоду, и беседы не получалось. Однажды у гостиницы остановился фиакр. Из него вышли две дамы. Кучер был славный на вид юноша, к тому ж понимал по-французски. Я признался ему, что скучаю в Неаполе, что хочу погулять по городу ночью. Он вызвался быть моим провожатым в тот же вечер и обещал заехать за мной в одиннадцать. В это время учитель мой уже засыпал. Приехал кучер точно, как обещал. Я на цыпочках вышел из номера и, ничуть не заботясь, что иду без гроша, уселся в фиакр. Мы поехали. Миновав несколько безлюдных улочек, итальянец остановился у какой-то двери, впотьмах. Войдя в дом, я поразился: с потолка свисают на веревках чучела животных, в том числе огромный крокодил. На миг мне почудилось, что Я в зоологическом музее. Но понял, что это не музей, когда увидел покрашенную толстуху в фальшивых брильянтах. В гостиной, куда толстуха провела нас, стояли красные плюшевые диваны и сплошь зеркала. Я оробел, но вожатый мой, ничуть не смущаясь, потребовал шампанского и сел подле меня. Хозяйка заведения устроилась тут же. Мимо прохаживались красотки. Пахло потом и дешевыми духами. Красавицы были всех мастей, даже чернокожие. Иные в чем мать родила. Иные одеты как баядерки. Кто-то в матроске, кто-то в детском платьице. Они прохаживались, вихля бедрами и кокетливо поглядывая на меня. Я совсем смутился, даже испугался. Кучер с хозяйкой то и дело прикладывались к бутылке. Я тоже стал пить. Они чмокали меня, говоря: «Ке белло бамбино!».

Вдруг открылась дверь, и я обомлел: на пороге стоял мой старик учитель. Хозяйка бросилась навстречу и обняла как завсегдатая, своего человека. Я было спрятался за кучеру спину, но дон Адриано уже заметил меня. Радостно улыбаясь, он сжал меня в объятьях с воплем: «Дон Феличе! Дон Феличе!». Все смотрели онемев. Первый опомнился кучер. Он наполнил бокал шампанским, крикнул: «Ура, ура!», и все подхватили крик.

Уж не помню, когда все это кончилось, однако проснулся я на другой день с сильнейшей головной болью. Более в гостинице я один не сидел. После полудня, когда жара слабела, мы шли с учителем по музеям, а вечером начинали ночную гульбу с ним же и моим приятелем-кучером.

Однажды прогуливался я по набережной, любуясь морем и Везувием. Какой-то нищий схватил меня за руку, показал пальцем на вулкан и шепнул мне с таинственным видом: «Это Везувий». Видимо сочтя, что продал ценное сведенье, он попросил денег. Расчет его был неплох. Я оплатил щедро – не сведенье его, а нахальство, развеселившее меня.

Из Неаполя поехали мы на Сицилию осмотреть Палермо, Таормину и Катанию. Жара была нестерпимой. А на макушке Этны лежал снег. Я, мечтая о прохладе, предложил учителю подняться к вершине. Дону Адриано не хотелось, но я уговорил его, и мы отправились, взяв ослов и проводников. Поднимались долго. Когда добрались до кратера, старик валился с ног от усталости. Только мы спешили, чтобы насладиться видами, как земля стала накаляться и местами выпускать пар. Мы перепугались, вскочили на ослов и пустились вниз. Но проводники наши засмеялись, позвали нас назад и сказали, что явление это обычное и бояться нечего. Ночь мы провели в укрытии и от холода не могли сомкнуть глаз. Наутро мы поняли, что все же пар костей не ломит, и решили немедленно вернуться в Катанию. На обратном пути чуть было не вышло трагедии. На тропинке вдоль кратера учителей осел оступился и скинул всадника. Тот полетел в пропасть. К счастью, он успел уцепиться за скалу, пока проводники бежали на выручку. Когда его вытащили, он был ни жив ни мертв со страху.

Перед тем как вернуться в Россию, несколько дней мы провели в Риме. Безумно жалею, что так дурно распорядился своим итальянским временем. Венеция и Флоренция необычайно впечатляли меня, но мал я еще был ценить красоту. В воспоминаньях о моей первой Италии художества – совсем иные!

ГЛАВА 6

Святой Серафим – Русско-японская война – Сестры-черногорки – Встречи в Ревеле

В 1903 году преподобный Серафим Саровский, почивший в Саровской пустыни тому лет семьдесят, был причислен к лику святых. Царь Николай вместе со всей императорской семьей присутствовал на церемонии обретения мощей и канонизации преподобного Серафима.

Хотя история сего святого не связана ни со мной, ни с семейством моим, хочу рассказать ее, ибо в моем детстве она не прошла бесследно, к тому ж о канонизации этой много говорилось в дни моего шестнадцатилетия.

Старец родился в 1759 году в Курске в семье купца Мошнина. Родители его были честны и набожны. Сам Серафим с детства также отличался благочестием, часами молился перед иконами.

Однажды, взойдя с матерью на недостроенную колокольню, он упал с башни и, пролетев пятьдесят метров, рухнул на землю. Мать сбежала вниз вне себя от горя, считая его уже мертвым. Каковы же были ее изумление и радость, когда она увидела его стоящим на ногах, целым и невредимым. Весть тотчас облетела город, и в дом к Мошным повалил народ. Все желали видеть чудо-дитя. Впоследствии ему не однажды еще грозила смертельная опасность, но чудесным образом всякий раз бывал он спасен.

Восемнадцать лет вступил он в Саровскую обитель. С годами, однако, монастырская жизнь показалась ему суровою недостаточно, и он удалился в пустынь. Пятнадцать лет он жил отшельником в посту и молитвах. Тамошние жители приносили ему еду, но все почти он скармливал птицам и зверям, с коими был дружен. Игуменя из соседней обители, когда зашла к нему, обмерла от страха, увидав на пороге лежащего медведя. Старец заверил ее, что зверь безобидный, что ему, старцу, он друг и всякий день приносит из лесу мед. Чтобы окончательно успокоить мать-настоятельницу, он послал медведя за медом. Медведь пошел и вскоре вернулся, неся в лапах медовые соты. Серафим вручил их изумленной матушке.

Говорят, сто один день и сто одну ночь он простоял на скале, подняв к небу руки и твердя: «Господи, помилуй нас, грешных!».

В другой раз в хижину к нему явились грабители и потребовали денег. Когда он сказал, что ничего не имеет, они избили его палками и, решив, что убили, ушли. Люди нашли его без сознания, в крови, с проломленным черепом и сломанными ребрами. Неделью он был на грани жизни и смерти, однако всякое лечение принимать отказывался. На восьмой день явилась ему Богородица. Он почувствовал себя лучше и вскоре поправился. После чего вернулся в обитель и заперся в келье, дав пятилетний обет молчания. Пять лет прошло, и он целиком посвятил себя помощи ближнему. Лицо его излучало благодать. К тому времени было ему семьдесят лет. Вся Россия знала и почитала его. Тысячи паломников стекались к нему отовсюду, прося его помощи и молитвы. И всех принимал он, утешал, наставлял, исцелял.

В 1825 году император Александр I явился к нему и имел с ним долгую беседу. После этого государь уехал в Таганрог. В Таганроге он якобы скончался. Смерть его, а вернее, исчезновение – загадка и по сей день.

Александр, видимо, знал о заговоре, затеянном, чтобы заставить отречься отца его, Павла I. Убийство Павла так потрясло его, что под конец жизни он решил оставить власть и уйти жить отшельником в сибирские леса. По одной версии, он уехал в Таганрог на Азовское море, где якобы умер. А по другой – переоделся нищим и ушел с этапом каторжников в Сибирь. В Сибири, как рассказывают, он отшельничал в лесу, и в тамошних местах все знали его под именем Федора Кузьмича.

Вторую версию считали легендой. Однако после смерти отшельника в убежище его нашли вещи с монограммой императора Александра, а, когда большевики вскрыли императорские гробницы в соборе Петра и Павла в Петербурге, Александрова оказалась пуста. Великий князь Николай Михайлович, автор интереснейших исторических записок и биографии Александра I, вторую версию отрицал. Я спросил его, почему. Он сказал, что так было нужно, хотя сам считал вторую версию правдой. Еще одна загадка...

Однажды к старцу Серафиму некая княгиня привезла на носилках больного племянника, лечить которого врачи отказались. Старец встал на молитву. Вдруг бывшие рядом иноки увидели, что старец, молясь, парит, и сияет над ним ореол. Так оставался он все время молитвы. Затем оборотился к юноше и сказал: «Ты здоров». И тот действительно стал здоров. Состояние левитации наблюдали у старца и в других случаях.

Однажды его нашли бездыханным. Прибежали монахи, с плачем встали на колени. Однако блаженный открыл глаза и сказал: «Господь внял моим молитвам. Я молил Его приоткрыть мне завесу того света, и Он взял меня к Себе». Но описать то, что видел, Серафим не смог. Умер он в старости в 1833 году, в келье своей на молитве пред иконою Богородицы. В Саровской пустыни похоронен. Могила его стала местом паломничества. Не одно чудо случилось на ней. В келье старца нашли рукописи, им писанные. Говорят, Святейший синод, ознакомясь с ними, постановил их сжечь. Почему – неизвестно. Один рукописный листок от 1831 года чудом уцелел и был сохранен монахами. В нем писал старец, что по смерти своей однажды в лето будет канонизирован в присутствии царя и семьи царской и что вскоре затем беды обрушатся на Россию и потекут реки крови. Несчастьями этими Господь пожелает очистить русский народ, избавить его от вялости. Ибо волею Господней назначена ему судьба особая. Миллионы русских будут рассеяны по миру и укрепят этот мир в вере, явив ему пример смирения и мужества. Россия очистится, возродится, станет великой державой, и вопрос о власти разрешится вселенским собором. «Начнется сие сто лет спустя смерти моей. Призываю всех людей русских приуготовиться к тем великим делам постом и покаяньем».

Русско-японская война была тяжелейшей ошибкой правления Николая II. Привела она к гибельным последствиям и стала началом эпохи потрясений. Россия оказалась не готова к войне. Те, кто побудил царя объявить ее, – предали страну и династию.

Враги России, пользуясь всеобщим недовольством, настраивали народ против правительства. Начались забастовки. На членов царской семьи и министров были совершены покушения. Царю пришлось пойти на компромисс. Он объявил о создании Государственной думы и учреждении конституционного правления. Императрица воспротивилась решительно. Не осознавая всей важности ситуации, она полагала, что можно найти иной выход.

Открытие думы состоялось 27 апреля 1906 года. Ждали того с тревогой, ибо понимали, что решение это – обоюдоострое, может равно пойти на пользу и повредить.

В час пополудни члены царской фамилии торжественно вошли в Георгиевский зал Зимнего дворца. Впервые в этом зале открывалось столь пестрое собрание, где иные одеты были весьма непарадно. Прочитав «Отче наш», государь обратился к залу с приветственной речью. На самих собравшихся это первое собрание произвело впечатление тяжелое, и в том усмотрели плохое предзнаменование.

Будь депутаты истинными русскими патриотами, дума могла бы помочь правительству. Однако оказались в ней вредные и мятежные элементы. Они-то и превратили ее в рассадник крамолы. Атмосфера накалялась. Думу периодически разгоняли. Политических покушений становилось все больше.

Дело усугубилось, когда депутат от кадетов Гучков произнес зажигательную речь против великих князей и правительства. Он заявил, что недопустимо отдавать ключевые государственные посты членам царской фамилии. Неприкосновенность этих особ, убеждал он, позволяет их протекте и любовницам безнаказанно заниматься самыми темными махинациями.

Дочери короля Черногории, великие княгини Милица и Анастасия Николаевны, были в ту пору при дворе крайне влиятельны. Одна черногорка вышла замуж за великого князя Петра Николаевича, другая, быв сперва за герцогом Лейхтенбергским, вторым браком сочеталась с великим князем Николаем Николаевичем. В Петербурге черногорок звали «черным горем». Занимались они черной магией и водили дружбу с колдунами и гадалками. Они-то и привели ко двору шарлатана-француза Филиппа, а позже – Распутина. Дом их стал средоточием темных сил, увы, овладевших несчастным нашим государем и толкнувших отечество в пропасть.

Отец мой, прогуливаясь однажды на море в Крыму, встретил великую княгиню Милицу в карете с каким-то незнакомцем. Он поклонился ей, но она на поклон не ответила. Беседуя с ней двумя днями позже, он спросил, почему. «Потому что вы не могли меня видеть, – отвечала великая княгиня. – Ведь со мной был доктор Филипп. А когда на нем шляпа, он и спутники его невидимы».

Одна из сестер ее рассказывала мне, что в детстве, прячась за гардиной, подкараулила приход Филиппа и обомлела, увидав, что все, кто был в гостинной, встали перед ним на колени и целовали ему руку.

В Библии в 20-й главе «Левита» сказано: «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их: то Я обращаю лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее».

Поздно спохватились сестры-черногорки и не смогли, как ни старались, раскрыть глаза на обман государю с государыней.

Летом 1906 года в Петербург пришло известие, что премьер-министр Столыпин стал жертвой покушения в летней своей усадьбе.

Матушка в тот день после полудня уехала навестить его, и, пока она не вернулась, мы сходили с ума от волнения. Но покушение, как она, вернувшись, рассказала, случилось несколько минут спустя ее ухода. Не успела она сесть в карету, как раздался взрыв. Столыпин также не пострадал, но была тяжело ранена его дочь.

Позже прошел слух, что покушение было и на императорское семейство. Государь с женой и детьми совершал всегдашнюю свою осеннюю морскую прогулку в финляндских фьордах на яхте «Штандарт».

Что случилось – толком никто не знает. Одни говорят, яхта нарвалась на мину, подложенную революционерами. Другие – что наскочила на скалу и не разбилась потому только, что медленно шла. Как бы там ни было, вернулись они целыми и невредимыми на «Полярной звезде», высланной за ними императрицей Марией Федоровной.

В то же лето ожидали визит английского короля Эдуарда VII и королевы Александры, которых государь император с императрицами Александрой Федоровной и Марией Федоровной должен был встретить в Ревеле. Прибыли английские монархи на «Виктории и Альберте». Предстоял прием у Николая II, на который Эдуарду полагалось явиться в русском военном мундире. Однако Эдуард, предварительно не примерив мундира, теперь еле влез в него. Вызвали портного, но расставлять удавку было поздно. За обедом у государя на «Полярной звезде» Эдуард сидел красный и злой.

Эта встреча Николая с Эдуардом сильно испугала немцев. Германия считала, что России не следует доверять Англии потому-де, что Англия – злейший враг России. Многие русские считали так же. Ругали они и договор, заключенный императором Александром III с Францией. Монархия, как говорили они, не имеет права объединяться с республикой против другой монархии. По их мнению, общий союз – между Россией, Германией и Францией – единственная гарантия мира.

Императорское семейство вернулось в Ревель принять г-на Фальера, французского президента. Принимал его царь, однако, не столь пышно, как английского короля. Французы это заметили и, как говорят, были очень недовольны.

ГЛАВА 7

Наши жилища – Петербург – Мойка, слуги и хозяйева – Ужин у «Медведя»

Наши зимние и летние переезды оставались неизменны: зимой Петербург – Москва – Царское Село; летом Архангельское, осенью на охотничий сезон усадьба в Ракитном. В конце октября мы выезжали в Крым.

За границу мы ездили редко, зато частенько брали нас с братом родители в поездки по собственным заводам и именьям. Они были многочисленны и рассеяны по всей России, а иные столь далеко, что доехать до них нам не удалось никогда. Одно из имений, на Кавказе, у Каспийского моря, простиралось на двести верст. Нефти там было столько, что она, казалось, хлюпала под ногами, и крестьяне наши смазывали ею колеса у телег.

На дальние поездки у нас имелся частный вагон, где устраивались мы с большим комфортом, нежели даже в собственных домах, не всегда готовых принять нас. Входили мы в вагон через тамбур-прихожую, какую летом превращали в веранду и уставляли птичьими клетками. Птичье пенье заглушало монотонный перестук колес. В салоне-столовой стены обшиты были панелями акажу, сидения обтянуты зеленой кожей, окна прикрыты желтыми шелковыми шторами. За столовой – спальня родителей, за ней – наша с братом, обе веселые, ситцевые, со светлой обшивкой, дальше – ванная. За нашими апартаментами несколько купе для друзей. В конце вагона помещение для прислуги, всегда многочисленной у нас, последняя – кухня. Еще один вагон, устроенный таким же образом, находился на русско-германской границе на случай наших заграничных поездок, однако мы никогда им не пользовались.

В каждом нашем путешествии нас сопровождала масса людей, без которых отец не мог обойтись. Матушка не любила многолюдья, но с отцовыми друзьями всегда была приветлива. Зато мы их ненавидели, ведь они отнимали у нас матушку. Честно говоря, ненависть была взаимной.

Петербург расположен в устье Невы, за что получил название Северной Венеции. Был он одной из красивейших европейских столиц. Невозможно передать, как хороша Нева с набережными розового гранита и блистательными дворцами вдоль... Всюду в идеальном строе зданий очевиден гений Петра и Екатерины Великих.

Императрица Александра Федоровна заказала декоратору-немцу решетчатую ограду сада перед Зимним дворцом. Зимний построен был в начале XVIII века императрицею Елизаветой Петровной. Дворец сей – создание архитектора Растрелли. Решетчатая ограда порядком обезобразила здание, а все же шедевр остается шедевром.

Санкт-Петербург – город не исконно русский. Сказался вкус императриц и великих княгинь, родом иностранок, как правило, немок, на протяжении двух веков, а еще присутствие дипломатического корпуса. Немного оставалось семей, хранивших традиции старой Руси. Русские аристократы стали космополитами. Поклонялись они иностранщине и то и дело ездили за границу. Хорошим тоном было посылать мыть белье в Париж и Лондон. Почти все матушкины знакомые нарочно говорили только по-французски, а русский коверкали. Нас с братом это злило, и отвечали мы старым снобкам только по-русски. А старухи говорили, что мы невежи и увальни. Но мы и ухом не вели. Напыщенной знати предпочитали мы людей проще, безалаберных и веселых.

Что до чиновников – эти были, как и все чиновники, просто жадны и бессовестны. Льстили начальству и думали о наживе. Патриотизма в них не было ни на грош. А так называемая интеллигенция сама не знала, чего хотела. Ее разброд и анархия на пользу отечеству не шли. Интеллигенты-агитаторы настраивали народ против знати. Вдобавок знать и сама вызы-

вала зависть и ненависть. Когда при Керенском она взяла власть, то оказалась ни на что не способной.

Патриотизма не было и в театре. На столичных императорских сценах вплоть до середины XVIII века русских пьес не ставилось вообще. Почти все актеры были иностранцы. Первый русский театр был основан только при Елизавете Петровне в 1756 году стараниями советника ее – князя Бориса Юсупова. Новый толчок – уже при Екатерине, поручившей прапрадеду моему все императорские театры. Можно сказать, князь Николай – основатель русской сцены, устоявшей вопреки всем историческим потрясениям. В России рухнуло все, кроме нее.

Первым открыл Европе русское искусство Сергей Дягилев, и благодаря ему наши опера и балет прославились во всем мире. Незабываемы их первые выступления в парижском Шатле в 1909 году. Дягилеву удалось собрать лучших артистов: был тут Шаляпин – незабвенный Годунов, художники Бакст и Бенуа, танцовщик Нижинский, балерины Павлова и Карсавина, и многие, многие! Русские артисты мгновенно прославились в мире, как в России, у иных появились ученики, школа русского императорского балета сохраняется и по сей день. Правда, актеры наши, вообще русский драматический театр известен Западу мало. Только в России могли быть поняты наша классика и фольклор. Пьесы Островского, Чехова, Горького русские любили всегда. Мы с братом Николаем не пропускали ни одного хорошего спектакля и с иными замечательными актерами знакомы были лично.

В Петербурге мы жили на Мойке. Дом наш был особенно замечателен своими пропорциями. Прекрасный внутренний полукруглый двор с колоннадой переходил в сад.

Особняк этот подарила императрица Екатерина прабабке моей княгине Татьяне. Произведения искусства наполняли его во множестве. Дом был похож на музей. Ходи и смотри до бесконечности. К несчастью, дед затеял перестройку и многое, увы, испортил. Две-три залы, гостиных да галереи с картинами сохранили дух XVIII века. Галереи эти вели в домашний театрик в стиле Людовика XV. После спектакля ужинали прямо в фойе, если, разумеется, не было званого вечера, когда собиралось порой две тысячи гостей. Тогда ужин подавали в галереях, а в фойе накрывали стол для императорского семейства. Всякий такой прием потрясал иностранцев. Не верили они, что в семейном доме можно накормить стольких людей, и на всех хватит и горячих кушаний, и севрского фарфора, и столового серебра.

Павел, наш старый дворецкий, никому бы не уступил чести служить государю. Но был он уже очень стар, слаб глазами и часто проливал вино на скатерть. Наконец старик ушел на покой, и, когда государь приезжал последний раз на прием на Мойку, от Павла это скрыли. Государь заметил, что старого дворецкого нет, и с улыбкой сказал матушке, что на этот раз, надеется, скатерть будет чистой. Не успел он это сказать, как в дверях, точно призрак, возник старик Павел. В парадной ливрее и на дрожащих ногах он доковылял до государя и за креслом его простоял весь вечер. Николай, заботясь о чистоте матушкиной скатерти, бережно поддерживал руку старика, когда тот наливал ему вино.

Павел прослужил у нас более шестидесяти лет. Знал он всех знакомых отца и каждого обслуживал исходя из собственного к нему отношения, нимало не считаясь с чинами и титулами. Кого не любит – тому ни за что не нальет вина и не подаст десерта. Когда генерал Куропаткин, разбитый японцами в 1905 году, приехал к нам обедать, старик Павел, выказывая ему презренье, встал к нему спиной, плюнул и наотрез отказался обслужить его за столом.

Помню старшего швейцара Григория с жезлом и в треуголке. К несчастному генералу он был более милостив. В войну 1914 года приехала к нам вдовствующая императрица. Григорий подошел и сказал ей: «Почему, ваше величество, не назначили в армию генерала Куропаткина? Ему теперь самое время искупить прошлое». Императрица пересказала разговор сыну. Две недели спустя мы узнали, что генерал Куропаткин получил дивизию!

Прислуга наша была преданна и усердна. В пору, когда знали одни свечи да масляные лампы, многие наши люди занимались только освещением. Когда изобрели электричество, старший лакей-«осветитель» так расстроился, что спился и умер.

Слуги были у нас всех мастей: арабы, татары, калмыки, негры щеголяли в своих пестрых платьях. Командовал всеми Григорий Бужинский. В полной мере доказал он, как верен, когда нас явились грабить большевики. Они велели ему показать, где мы прячем золото и ценности. Григорий умер от пыток, но ничего не сказал. Несколько лет спустя вещи нашли. Жертва его оказалась напрасной, однако ничуть не поблекла. И в этих записках хочу воздать должное героической его верности. Он умер ужасной смертью, но хозяев не предал.

Подвал в доме на Мойке был настоящим лабиринтом. Эти толстостенные с глухими дверьми помещения не боялись ни пожара, ни наводнения. Находились там и винные погреба с винами лучших марок, и кладовые с коробами столового серебра и драгоценных сервизов для званных вечеров, и хранилища скульптур и полотен, не нашедших место в картинных галереях и залах. Это «подвальное» искусство могло бы составить музей. Я потрясен был, когда увидел их в ящиках, в пыли и забвении.

В бельэтаже находились отцовские апартаменты, окнами на Мойку. Комнаты были некрасивы, но уставлены всякими редкостями. Картины, миниатюры, фарфор, бронза, табакерки и проч. В ту пору в объездах я не смыслил, зато обожал, видимо наследственно, драгоценные камни. А в одной из горок стояли статуэтки, которые любил я более всего: Венера из цельного сапфира, рубиновый Будда и бронзовый негр с корзиною брильянтов. Рядом с отцовым кабинетом помещалась «мавританская» зала, выходившая в сад. Мозаика в ней была точной копией мозаичных стен одной из зал Альгамбры. Посреди бил фонтан, вокруг стояли мраморные колонны. Вдоль стен диваны, обтянутые персидским штофом. Зала мне нравилась восточным духом и негой. Частенько ходил я сюда помечтать. Когда отца не было, я устраивал гут живые картины. Созывал всех слуг-мусульман и сам наряжался султаном. Нацеплял матушкины украшения, усаживался на диван и воображал, что я – сатрап, а вокруг – рабы... Однажды придумал я сцену наказания провинившегося невольника. Невольником назначил Али, нашего лакея-араба. Я велел ему пасть ниц и просить пощады. Только я замахнулся кинжалом, открылась дверь и вошел отец. Не оценив меня как постановщика, он рассвирепел. «Все вон отсюда!» – закричал он. И рабы с сатрапом бежали. С тех пор вход в мавританскую залу был мне воспрещен.

Напротив отцовских апартаментов последней в анфиладе была музыкальная гостиная, где хранили коллекцию скрипок, но музыкою не занимались.

Матушкины покои с окнами в сад помещались на втором этаже. Тут же парадные залы, гостиные, ваннные комнаты, галереи с картинами и в самом конце – театр. Бабушка, мать отца, брат мой и я жили на третьем этаже. Тут же находилась домашняя часовня.

Главный уют был в матушкиных комнатах. Излучали они тепло ее сердца, свет ее красоты и изящества. В спальне, обтянутой голубым узорчатым шелком, стояла мебель розового дерева с маркетри. В широких горках красовались броши и ожерелья. Когда случались приемы, двери были нараспашку, любой мог войти полюбоваться дивными матушкиными брильянтами. Эта спальня была со странностью: порой раздавался оттуда женский голос и всех окликал по имени. Прибегали горничные, решив, что зовет их именно хозяйка, и пугались до смерти, увидав, что спальня пуста. Мы с братом тоже слыхали не раз эти странные зовы.

Мебель малой гостиной когда-то принадлежала Марии Антуанетте. На стенах висели картины Буше, Фрагонара, Ватто, Юбера Робера и Греза. Хрустальная люстра прибыла из будуара маркизы де Помпадур. Бесценные безделушки стояли на столах и в горках: табакерки с эмалью и золотом, аметистовые, топазовые, нефритовые в золотой оправе с брильянтовой инкрустацией пепельницы. В вазах всюду цветы. Матушка обыкновенно сидела именно в этой гостиной. Когда никого не было, вечерами мы с братом здесь с нею ужинали. Круглый стол накрывали на

три прибора и ставили хрустальные канделябры. В камине полыхало пламя, а огоньки свечей вспыхивали в перстнях на тонких матушкиных пальцах. Не могу без волнения вспомнить об этих счастливых вечерах в маленькой уютной гостиной, где прекрасно все – и хозяйка, и обстановка. Да, это были минуты настоящего счастья. Знали бы мы, какие несчастья придут за ним!

К Рождеству на Мойке начиналась суматоха. Готовились целыми днями, на стремянках вместе с прислугой наряжали высоченную елку, до потолка. Сиянье стеклянных шаров и серебряного дождя зачаровывало наших слуг-азиатов. Прибывали поставщики, доставляли нам подарки для друзей, и суматоха росла. В праздничный день являлись гости – почти все дети, наши ровесники, приносили с собой чемоданы, чтобы унести подарки. Подарки нам раздавали, потом угощали горячим шоколадом с пирожными и вели в игровой зал на «русские горки».

Было ужасно весело, но кончался праздник почти всегда потасовкой. Я был тут как тут и с наслаждением колотил ненавистных, к тому ж и мозгляков.

На другой день была елка для прислуги с семьями. Матушка за месяц до праздника опрашивала наших людей, кому что подарить. Молодой араб Али, сыгравший моего невольника в том памятном представлении в мавританской зале, попросил однажды «красивый штука». Этой «штукой» была диадема с бурмитским зерном и брильянтами, которую надевала матушка, идучи на балы в Зимний. Али оцепенел, увидя матушку, одетую всегда просто, вдруг в парадном платье и ослепительных драгоценностях. Видимо, он принял ее за божество. Он пал перед ней ниц. Насилу его подняли.

Пасху праздновали торжественно. Всю Страстную близкие друзья и почти вся прислуга были с нами на службе в нашей домашней часовне, а в субботу на Всенощную шли в большой храм. После разговлялись. Гостей собиралось множество. Начинался пир горой: молочные поросята, гуси, фазаны, реки шампанского. Вносились куличи в венчике из бумажных роз, обложенные крашеными яйцами. На другое утро мы мучились животами.

После пира отец с матерью и мы с братом шли в людскую. Матушка следила, чтобы людей кормили хорошо, и слуги ели почти все то же, что и хозяева. Мы поздравляли всех и христосовались.

У отца имелась прихоть: менять столовые. Чуть не каждый день мы обедали в новом месте, что прибавляло слугам хлопот. Мы с Николаем порой бежали по всему дому в поисках, где накрыто. И опоздать были рады-радехоньки.

Отец с матерью держали открытый стол. Сколько едоков соберется к обеду, в точности не знали. Многие являлись к столу целыми семьями, ибо нуждались и питались то в одном, то в другом достаточном доме. Этих извинить можно, других – навряд. Одна богатая старуха домовладелица ела только в гостях. Приезжала с опозданием и, войдя, заявляла с апломбом: «Волки сыты, теперь поем спокойно».

Генерал Бернов, о котором я рассказывал выше, и матушкина приятельница княгиня Вера Голицына люто ненавидели друг друга и ругались при каждой встрече. Однажды вечером генерал был сильно не в духе и не захотел отвезти княгиню домой, хотя до ужина обещал. «Бог с вами, – сказала княгиня. – Дурак натошак и сытый – набитый». У Голицыной был артрит правого большого пальца, и она то и дело сосала его, говоря, что от этого болит меньше. И руку ее целовать я отказывался. Замуж она не вышла и о том жалела. «Жаль, что я старая девка, – твердила она матушке. – Так и не узнаю, как это бывает».

В Петербурге была у нас знакомая пожилая дама, вдова военачальника, вечно влюбленная – непременно в гвардейского генерала, командира полка. Мало, что верна, еще и страшна как смерть, о взаимности и думать нечего. Вдобавок ужасно белилась и румянилась и носила рыжий парик. Когда отца назначили на место генерала, вкупе с полком унаследовал он и непреходящую влюбленность дамы. Старуха ходила за ним по пятам, стояла у дверей клуба, где отец бывал после полудня, и, заметив его в окне, посылала ему воздушные поцелуи. Любовные

письма ему она подписывала «твоя Фиалка». Летом в собственной карете она ездила за ним на маневры.

Великий князь Николай Михайлович был обожаем вдвойне – сразу двумя сестрами, старыми девицами. Каждое утро старухи прогуливались по набережной у его дворца. Одеты были одинаково, позади лакей в ливрее нес их меховые накидки, галоши, зонтики и двух облезлых мопсов. Когда великий князь выезжал и возвращался, старые идиотки делали глубокий реверанс.

Другие сестрицы, провинциалки, обе тоже незамужние, уродины и богачки, решили покорить Петербург. Вознамерясь принимать высшее общество, купили они в Петербурге блестящий особняк. Обставили его с крикливой роскошью, наняли модного повара и миллион слуг, одели их в яркие ливреи и немедленно разослали приглашения всей столичной знати. В пригласительном билете, полученном отцом с матерью, писано было: «Дорогие князь с княгиней, полноте сидеть дома да грызть сухари. Будьте к нам на ужин в субботу в восемь». Родители пошли смеха ради. Не мудрено, что встретили они там всех своих друзей.

Разумеется, петербургский свет состоял не из одних шутов. Заезжие иностранцы в один голос твердили, что в России полно даровитых и образованных людей, что беседовать с ними приятно и интересно. А столько чудачков и клоунов я знал потому лишь, что с ними весело было отцу. Дивлюсь матушкиным кротости и терпенью: вечно принимай эту братию и всем улыбайся. Но тут я, признаться, весь в отца. Меня влекли, да и теперь влекут всякие шуты гороховые, сумасброды и психопаты. По-моему, в их чудачествах – непосредственность и воображение, которых так не хватает людям порядочным.

Каждую зиму в Петербурге у нас гостила моя тетка Лазарева. Привозила она с собою детей, Мишу, Иру и Володю – моего ровесника. Я уж писал, как отчаянно шалили мы с ним. Последняя шалость разлучила нас надолго.

Было нам лет двенадцать-тринадцать. Как-то вечером, когда отца с матерью не было, решили мы прогуляться, переодевшись в женское платье. В матушкином шкафу нашли мы все необходимое. Мы разрядились, наругались, нацепили украшения, закутались в бархатные шубы, нам не по росту, сошли по дальней лестнице и, разбудив матушкиного парикмахера, потребовали парики, декор, для маскарада.

В таком виде вышли мы в город. На Невском, пристанище проституток, нас тотчас заметили. Чтоб отделаться от кавалеров, мы отвечали по-французски: «Мы заняты» – и важно шли дальше. Отстали они, когда мы вошли в шикарный ресторан «Медведь». Прямо в шубах мы прошли в зал, сели за столик и заказали ужин. Было жарко, мы задохались в этих бархатах. На нас смотрели с любопытством. Офицеры прислали записку – приглашали нас поужинать с ними в кабинете. Шампанское ударило мне в голову. Я снял с себя жемчужные бусы и стал закидывать их, как аркан, на головы соседей. Бусы, понятно, лопнули и раскатились по полу под хохот публики. Теперь на нас смотрел весь зал. Мы благоразумно решили дать деру, подобрали впопыхах жемчуг и направились к выходу, но нас нагнал метрдотель со счетом. Денег у нас не было. Пришлось идти объясняться к директору. Тот оказался молодцом. Посмеялся нашей выдумке и даже дал денег на извозчика. Когда мы вернулись на Мойку, все двери в доме были заперты. Я покричал в окно своему слуге Ивану. Тот вышел и хохотал до слез, увидав нас в наших манто. Наутро стало не до смеха. Директор «Медведя» прислал отцу остаток жемчуга, собранного на полу в ресторане, и... счет за ужин!

Нас с Володей заперли на десять дней в наших комнатах, строго запретив выходить. Вскоре тетка Лазарева уехала, увезла детей, и несколько лет Володи я не видел.

ГЛАВА 8

Москва – Наша жизнь в Архангельском – Художник Серов – Таинственное явление – Соседи – Спасское

Москву я любил больше Петербурга. Москвичей почти не тронуло чужеземное влияние, и остались они настоящими русаками. Москва была истинной столицей Святой Руси.

Древние дворянские роды в своих роскошных городских и деревенских усадьбах жили по старинке. Они почитали обычай и сторонились петербуржцев, называя их чужеземцами.

Богатое купечество, все от сохи, составляло в Москве особый класс. В купеческих домах, больших и красивых, имелись произведения искусства, порой ценнейшие. Купцы ходили в косоворотках, плисовых штанах и сапогах бутылками, а купчихи одевались у лучших парижских портных, носили брильянты и элегантностью могли поспорить с петербургскими графинями.

В Москве все дома были открыты. Гости тотчас вели в столовую к столу с закусками и водками. Хочешь не хочешь – изволь угощаться.

У всех богатых семей было имение под Москвой. Жили там по-старинному хлебосольно. Гость приезжал на день и мог остаться навек, и потомков оставить на жительство, до седьмого колена.

Москва была как двуликий Янус. Один лик – церкви яркие, златоглавые, море свечей в храмах у икон, толстые стешы монастырские, толпы молящихся. Другое лицо – шумный, веселый город, место утех и нег, вертеп; на улицах пестрая толпа, едут тройки, звенят колокольчики, мчатся лихачи, дорогие извозчики с пышной упряжью, молодые, богато одетые, порой сводники и товарищи своим седам.

Эта смесь благочестия и распутства – чисто московская. Москвичи грешили так грешили, а молились так молились.

Москва была не только торгово-промышленной: умов и талантов ей тоже не занимать.

Оперная и балетная труппы Большого были не хуже, чем в Петербурге. В Малом театре ставили то же, что и в Александринке, а играли – лучше. В московских актерских семьях традиции передавались из поколения в поколение. В конце прошлого века Станиславский основал Художественный театр. Помогали гениальному режиссеру не менее замечательные Немирович-Данченко и Гордон Крэг. Нюх на артиста помог Станиславскому собрать первоклассные силы. Великие актеры исполняли у него ничтожные роли. На сцене нет условностей: жизненно все.

Я в Москве был страстным театралом. Езжал и к цыганам в Стрельну и Яр: пели там лучше, чем в Петербурге. Кто хоть раз слышал Варю Панину, никогда не забудет. До старости эта некрасивая, вечно в черном, цыганка брала публику за душу низким волнующим голосом. Под конец жизни она вышла за восемнадцатилетнего юнкера. Умирая, Панина просила брата сыграть ей на гитаре ее коронную «Лебединую песнь» и умерла, как только он доиграл.

Наш московский дом был построен в 1551 году царем Иваном Грозным. В ту пору вокруг был лес, и царь Иван стоял тут во время охоты. Подземный ход в несколько верст связывал дом с Кремлем. Строили дом зодчие Барма и Постник, они же построили потом собор Василия Блаженного, и царь, чтобы не повторили они подобного чуда, ослепил их, отрубил им руки и вырвал язык. Зверствовал царь Иван, а после вечно сокрушался и каялся. К тому же он был умен и тонкий политик.

Жил царь в сем лесном доме обыкновенно недолго. Пировал, а потом возвращался подземным ходом в Кремль. Ход расходился на несколько выходов, так что царь мог явиться в любое время в любом месте, где ожидаем не был.

Собрал он библиотеку, какой ни было и у кого в мире. Чтобы уберечь ее от пожаров, в те времена частых, он замуровал ее под землей. Историки свидетельствуют, что книги и по сей день там. Только пойдя сыщи их после всех обвалов и оползней.

После смерти Ивана дом пустовал полтора столетия. В 1729 году Петр I подарил его князю Григорию Юсупову. В конце прошлого века родители мои обновляли дом и обнаружили тот самый подземный ход. Спустившись туда, они увидели длинный коридор и скелеты, прикованные цепями к стенам. Дом этот был в старомосковском вкусе крашен ярко-желтой краской. Спереди – парадный двор, сзади – сад. Залы сводчатые, с картинами на стенах. В самой большой зале коллекция золотых и серебряных вещей и портреты царей в резных рамах. Остальное – горницы, темные переходы, лесенки, ведущие в подземелье. Толстые ковры заглушали шаг, и тишина прибавляла дому таинственности.

Все тут напоминало о царе-изверге. На третьем этаже, на месте часовни, были раньше зарешеченные ниши со скелетами. В детстве я думал, что души замученных живут где-то здесь, и вечно боялся встретиться с привиденьем.

Мы не любили этого дома. Слишком живо было в нем кровавое прошлое. Подолгу мы в Москве никогда не жили. Когда отца назначили московским генерал-губернатором, мы заняли флигель, связанный с основным зданием зимним садом. Дом остался для балов и приемов.

Иные москвичи были большими оригиналами. Отец любил таких, с ними он не скучал. В основном это были члены всяческих обществ, коих отец был почетным председателем, – собачники, птичники. Были даже пчеловоды – все из секты скопцов. Главный у них, старик Мочалкин, часто приходил к отцу. Мне он внушал ужас бабьим лицом и тонким голосом. Но когда отец привел меня в их пчелиный клуб, оказалось совсем не страшно. Принять отца собралось человек сто. Угостили нас вкусным обедом, потом устроили концерт. Пели пчеловоды – сопрано. Словно сотня старушек в мужском платье распевает народные песни детскими голосками. Было трогательно, и смешно, и грустно.

Помню еще чудака – толстый и лысый человек по фамилии Алферов. Прошлое его темно. Был он тапером в борделе, потом продавцом птиц и чуть не угодил в тюрьму за то, что продал как редкую птицу обычную курицу, раскрасив ее всеми цветами радуги.

Родителям моим он выражал величайшее почтение и, когда приходил, ждал на коленях, пока они не выйдут. Однажды слуги забыли доложить о нем, и Алферов простоял на коленях посреди залы час. Если к нему обращались за обедом, он вставал и на вопрос отвечал стоя. Меня это смешило, и я стал спрашивать его нарочно. К нам он надевал старый сюртук, когда-то, видимо, черный, а теперь – окраски неопределенной. Должно быть, в нем он играл когда-то ритурунели веселым девицам. Твердый высокий воротничок доходил ему до ушей. На груди висела большая серебряная медаль в честь коронации Николая II. Под ней – медали поменьше, полученные за якобы редких птиц.

Иногда отец водил нас к батюшке, державшему соловьев. Бесчисленные клетки были подвешены к потолку. Батюшка стучал какими-то собственного изготовления инструментами, и соловьи начинали петь. Он махал руками, как дирижер, мог остановить, продолжить и даже велеть петь по очереди. Никогда я не видел ничего подобного.

В Москве, как и в Петербурге, родители жили открытым домом. Была одна особа, известная скупердйяка. Напрашивалась ко всем на обед и питалась по гостям всякий день, кроме субботы. Хозяйке дома льстила до неприличия, хваля ее кушанья, и просила позволения унести остатки, всегда обильные. Даже не дожидаясь согласия, особа подзывала лакея и приказывала отнести еду к себе в карету. В субботу она созывала всех к себе и кормила их тем, что насобирала у них же в течение недели.

На лето мы уезжали в Архангельское. Многие друзья ехали проводить нас, оставались погостить и загаживались до осени.

Любил я гостей или нет – зависело от их отношения к архангельской усадьбе. Я терпеть не мог тех, кто к красоте ее был бесчувствен, а только ел, пил да играл в карты. Их присутствие я считал кошунством. От таких я всегда убегал в парк. Бродил среди деревьев и фонтанов и без устали любовался счастливым сочетаньем природы и искусства. Эта красота укрепляла, успокаивала, обнадеживала. Иногда я доходил до театра. Забирался в ложу для почетных гостей и воображал, что сижу на спектакле, что лучшие артисты поют и танцуют для меня одного. Я представлял себя прапрадедом князем Николаем и полновластным хозяином Архангельского. Порой сам поднимусь на сцену и пою, будто для публики. Иногда до того забудусь, что думаю, меня слушают, затаив дыханье. Очнусь – смеюсь над собой, и в то же время грустно, что чары рассеялись.

Наконец у Архангельского нашелся обожатель в моем вкусе – художник Серов, в 1904 году приехавший в усадьбу писать с нас портреты.

Это был замечательный человек. Из всех великих людей искусства, встреченных мною в России и Европе, он – самое дорогое и яркое воспоминанье. С первого взгляда мы подружались. В основе нашей дружбы лежала любовь к Архангельскому. В перерывах между сеансами я уводил его в парк, усаживал в лесу на свою любимую скамейку, и мы всласть говорили. Идеи его заметно влияли на мой юный ум. А впрочем, считал он, что, если бы все богатые люди походили на моих родителей, революция была бы ни к чему. Серов не торговал талантом и заказ принимал, только если ему нравилась модель. Он, например, не захотел писать портрет великосветской петербургской красавицы, потому что лицо ее счел неинтересным. Красавица все ж уговорила художника. Но, когда Серов приступил к работе, нахлобучил ей на голову широкополую шляпу до подбородка. Красавица возмутилась было, но Серов отвечал с дерзостью, что весь смысл картины – в шляпе.

По натуре он был независим и бескорыстен и не мог скрыть того, что думает. Рассказал мне, что, когда писал портрет государя, государыня поминутно досаждала ему советами. Наконец он не выдержал, подал ей кисть и палитру и попросил закончить за него.

Это был лучший портрет Николая II. В 17-м, в революцию, когда озверевшая толпа ворвалась в Зимний, картину изорвали в клочки. Один клочок подобрал на Дворцовой площади и принес мне знакомый офицер, и реликвию эту я берегу, как зеницу ока.

Серов был доволен моим портретом. Взял его у нас Дягилев на выставку русской живописи, организованную им в Венеции в 1907 году. Картина принесла ненужную известность мне. Это не понравилось отцу с матерью, и они просили Дягилева с выставки ее забрать.

По воскресеньям после обедни приходили крестьяне с детьми. Дети угощались сладостями, их родители излагали просьбы и жалобы. Крестьян внимательно выслушивали и почти всегда удовлетворяли.

В июле проходили народные праздники с хороводами и пеньем. Любили их все. Мы с братом были на них непременно и ждали их с нетерпением каждый год.

Простота наших отношений с крестьянами, наше братство при всей их почтительности поражало гостей-иностранцев. Гостивший у нас художник Франсуа Фламан был этим совсем потрясен. Архангельское так полюбилось ему, что, уезжая, он сказал матушке: «Княгиня, как покончу рисовать, позвольте наняться к вам на должность почетной архангельской свиньи!».

Однажды в конце лета мы с Николаем стали очевидцами таинственного явления, так никогда и не объяснившегося. Собирались мы с братом к ночному московскому поезду, уезжая в Петербург. После ужина простились с родителями, сели в тройку и поехали на вокзал. Дорога шла через Серебряный бор, глухой и безлюдный на версты и версты. Ярko светила луна. Вдруг посреди леса лошади встали на дыбы. Впереди показался поезд и тихо прошел сквозь деревья. В вагонах горел свет, у окон сидели пассажиры, лица их были различимы. Наши люди перекрестились. «Нечистая сила!» – шепнул один. Мы с Николаем обомлели: железной дороги по близости не было и в помине. Но видело поезд нас четверо!

Часто общались мы с соседями, великими князем и княгиней, Сергеем Александровичем и Елизаветой Федоровной. Жили они в Ильинском. Усадьба их была устроена со вкусом, в духе английского сельского дома. В гостиных стояли кресла с кретоновой обивкой и многочисленные вазы с цветами. Свита великого князя проживала в парковых домиках.

В Ильинском, ребенком, встретился я с великим князем Дмитрием Павловичем и сестрой его, великой княжной Марией Павловной. Оба они жили у дяди с теткой. Мать их, греческая принцесса Александра, давно умерла, а отцу, великому князю Павлу Александровичу пришлось покинуть Россию, когда заключил он морганатический брак с г-жой Пистолькорс, впоследствии княгиней Палей.

Двор великого князя Сергея Александровича был весьма пестр. Встречались личности удивительные. Из самых забавных – княгиня Васильчикова, гренадерского роста, весом в двенадцать пудов. Она говорила басом и ругалась, как извозчик. Хвасталась своей силой с утра до вечера. Случись кто рядом – схватит его и поднимет с легкостью, как младенца, под смех публики и самого «младенца». Отец постоянно становился ее жертвой, но шутки этой не любил. А вот князь и княгиня Олсуфьевы были милейшей четой. Княгиня, в ту пору гофмейстерина, походила на маркизу XVIII века. Супруг ее был лыс, пухл и глух, как тетерев. Когда надевал он, генерал, свой гусарский мундир, сабля его, больше, чем он сам, волочилась по земле с адским грохотом. Потому княгиня вечно тревожилась за его саблю в церкви. Вдобавок генерал не мог спокойно стоять на месте, обходил иконы – многочисленные в русском храме, – кои, как принято, перекрестясь, целовал. До каких не мог дотянуться, тем слал воздушный поцелуй. Нимало не смущаясь святостью места, он громовым голосом заговаривал с причтом и прихожанами. Все смеялись вместе с попом, а княгиня страдала.

Другими соседями были Голицыны, продавшие моему прадеду Архангельское. Княгиня Голицына, бабушкина сестра, приходилась отцу теткой. Родила она много детей, но рано овдовела. Сидела она всегда на террасе в кресле, внушительная и важная. Носила платье с дорогим кружевом и чепчик и даже в деревне надевала корсет и душилась. Когда я приходил к ней, любил взять ее руку и вдохнуть дивный аромат духов.

Они с бабушкой были совсем разные и спорили по каждому поводу. Бабушка, как я писал, была оригиналкой и с причудами. Сестра поминутно корила ее за небрежный вид и манеры сорванца. Бабушка в ответ называла ее сушеной мумией.

Еще одни соседи, князь с княгиней Щербатовы, принимали гостей на редкость радушно. Дочь их Мария, красавица и умница, вышла впоследствии за графа Чернышева-Безобразова. Она – из самых наших близких друзей. Ни ум, ни красота ее от времени нимало не поблекли.

Недалеко от Архангельского на холме стоял дом, похожий на рейнский замок, ничуть не сообразуясь с окружающей природой. Хозяйка дома была стройна, но лицом так уродлива, что звали ее «обезьянья жопа». Всем и каждому она сообщала, что по утрам принимает ванны из роз.

Останкино и Кусково принадлежали графам Шереметевым, последним потомкам старинного русского рода. Время над этими усадьбами было невластно. Дворцы, бесценная мебель, вековые деревья, глубокие пруды остались такими, как были при первых хозяевах.

Одним из самых старых наших имений было подмосковное Спасское. Именно там жил князь Николай Борисович перед тем, как купил Архангельское.

Потом об имении словно забыли не знаю почему. В 1912 году я побывал в нем. Оно было заброшенным совершенно.

На пригорке близ елового бора стоял дворец с колоннадой. Казалось, он прекрасно вписывается в пейзаж. Но как только я приблизился, то пришел в ужас: все сплошь – развалины! Двери сорваны, стекла разбиты. Потолки рушатся, на полу оттого груды мусора и щебенки. Кое-где остатки былой роскоши: мраморная штукатурка с лепниной, яркая настенная роспись, вернее, также остатки. Я прошелся по анфиладе. Залы – один другого прекрасней, а куски

колонн лежат на полу, как отрубленные руки. Части деревянной обшивки эбенового, розового и фиолетового дерева с маркетри давали понятие о былом декоре!

Ветер гулял по залам, гудел у толстых стен, вызывая из развалин эхо. Он был тут как дома. Мне стало не по себе. Филины на балках таращились на меня круглыми глазами и словно говорили: «Смотри, что стало с домом предков твоих!»

Ушел я в тоске, думая, что от великого богатства случаются порой великие ошибки.

ГЛАВА 9

Своенравие – У цыган – Мой коронованный поклонник – Дебют в кабаре – Маскарады – Бурное объяснение с отцом

Характер мой портился. Матушка избаловала меня. Я стал ленив и капризен. Брату Николаю в ту пору исполнился двадцать один год, он учился в университете. Меня же родители решили отдать в военную школу. На вступительном экзамене я поспорил с батюшкой. Он велел мне назвать чудеса Христовы. Я сказал, что Христос накормил пять человек пятью тысячами хлебов. Батюшка, сочтя, что я оговорился, повторил вопрос. Но я сказал, что ответил правильно, что чудо именно таково. Он поставил мне кол. Из школы меня выгнали.

В отчаянье родители положили отдать меня в гимназию Гуревича, известную строгостью дисциплины. Звали ее «гимназия для двоечников». Директор всеми правдами и неправдами укрощал непокорных. Узнав о родительском выборе, я решил, что нарочно провалюсь, как в военном училище. Мне не повезло. Гимназия Гуревича была последней родительской надеждой. По их просьбе Гуревич взял меня без экзаменов.

Сколько хлопот я доставлял бедным отцу с матерью! Сладу со мной не было. Принуждения я не терпел. Если что хочу – вынь да положь; потакал своим прихотям и жаждал воли, а там хоть потоп. Я мечтал о яхте, чтобы плыть, куда вздумается. Конечно, мне нравились красота, роскошь, удобства, яркие благоуханные цветы, но тянуло меня к кочевой жизни далеких предков. Я словно предчувствовал тот неведомый, но втайне желанный мир. Только несчастье да еще благотворное влияние высокой души помогли мне войти в него.

Когда я поступил в гимназию, брат зауважал меня и стал относиться как к ровне. Мы заговорили по душам. У брата была любовница Поленька, девушка из простых, которую он обожал. Жила она в квартирке неподалеку от нашего дома. У нее мы проводили вечера в компании со студентами, артистами и веселыми девицами. Николай обучил меня цыганским песням, и мы с ним пели дуэтом. В ту пор голос мой еще не ломался, я мог петь сопрано. Здесь царила атмосфера юности и веселья, какой так не хватало на Мойке. Родительское окружение – в основном военные да всякие бездари и нахлебники – казалось нам смертельно скучным. Роскошный особняк был создан для балов и приемов. Но домашний театр и парадные залы открывались у нас редко. В блестящей обстановке жили мы жизнью мрачной, в огромном доме теснились в нескольких комнатах. Не то у Поленьки. Скромная Поленькина гостиная с самоваром, водкой и закуской означала свободу и веселье. Новую шальную жизнь я полюбил и никаких бед от нее не ждал.

Однажды на одном из Полиных вечеров мы, напившись, вздумали продолжить гульбу у цыган. Я тогда обязан был носить гимназический мундир, потому испугался, что ночью меня ни в одно веселое заведение, тем более к цыганам, не пустят.

Поленька решила переодеть меня женщиной. В два счета она одела и раскрасила меня так, что и родная мать не узнала бы.

Цыгане жили отдаленно, особняком, в так называемой Новой Деревне в Петербурге и у Грузин в Москве.

Совершенно особая атмосфера царила у этих смуглокожих, черноволосых и яркоглазых людей. Мужчины носили красную косоворотку, черный кафтан с золотой вышивкой, галифе, высокие сапоги и черную широкополую шляпу. Женщины ходили в пестром. Надевали длинные широкие юбки в сборку, на плечи – шаль, голову обматывали платком. Вечером на публике – в том же, только накинут шаль подороже да нацепят дикарские побрякушки – мониста и тяжелые золотые и серебряные браслеты. У цыганок была легкая походка и кошачья грация. Многие – красавицы, но суровы: ухажеров признавали только обещавших жениться. Жили

цыгане патриархальной жизнью, блюли обычаи. И ходили к ним не за приключениями, а за пеньем.

Цыгане принимали публику в зале с длинными диванами вдоль стен, креслами, столиками и стульями в несколько рядов посередке. Освещение яркое. Цыгане не любили петь впотьмах. Хотели они, чтоб видна была их мимика, очень к ним шедшая. Слушатели-завсегдатаи приходили с шампанским и сами назначали хор и певцов.

Цыганские песни не записывались. С незапамятных времен они передавались от поколения к поколению. Одни – грустные, чувствительные, ностальгические. Другие – веселые, залихватские. Когда пели застольную, цыганка обходила публику с серебряным подносом. На подносе – бокалы шампанского. Слушатель брал бокал и пил до дна.

Хор сменял один другой, и пели без передышки. Иногда пускались в пляс. Щелканье каблучков делало музыку еще зажигательней и ритмичней. Особый дух, создаваемый песнями, танцами и красавицами с дикими глазами, смущал душу и чувства. Околдованы бывали все. Зайдет человек на часок, застрянет на неделю и спустит все, что имеет.

Прежде я не слыхал цыган. Вечер стал для меня открытием. Знал я, что хорошо поют, но не знал, что так чарующе. Понял я тех, кто разорялся на них.

А еще я понял, что в женском платье могу явиться куда угодно. И с этого момента повел двойную жизнь. Днем я – гимназист, ночью – элегантная дама. Поленька наряжала меня умело: все ее платья шли мне необычайно.

Каникулы мы с братом нередко проводили в Европе. В Париже останавливались в «Отель дю Рэн» на Вандомской площади, в комнатах на первом этаже. Входи и выходи в окно, не надо пересекать вестибюля.

Однажды на костюмированный бал в Оперу мы решили явиться парой: надели – брат домино, я – женское платье. До начала маскарада мы пошли в театр Де Капюсин. Устроились в первом ряду партера. Вскоре я заметил, что пожилой субъект из литерной ложи настойчиво меня лорнирует. В антракте, когда зажегся свет, я увидел, что это король Эдуард VII. Брат выходил курить в фойе и, вернувшись, со смехом рассказал, что к нему подошел напыщенный тип: прошу, дескать, от имени его величества сообщить, как зовут вашу прелестную спутницу! Честно говоря, мне это было приятно. Такая победа льстила самолюбию.

Прилежно посещая кафешантаны, я знал почти все модные песни и сам исполнял их сопрано. Когда мы вернулись в Россию, Николай решил, что грешно зарывать в землю мой талант и что надобно меня вывести на сцену «Аквариума», самого шикарного петербургского кабаре. Он явился к директору «Аквариума», которого знал, и предложил ему прослушать француженку-певичку с последними парижскими куплетами.

В назначенный день в женском наряде явился я к директору. На мне были серый жакет с юбкой, чернобурка и большая шляпа. Я спел ему свой репертуар. Он пришел в восторг и взял меня на две недели.

Николай и Поленька обеспечили платье: хитон из голубого с серебряной нитью тюля. В пандан к тюлевому наряду я надел на голову наколку из страусиных синих и голубых перьев. К тому же на мне были знаменитые матушкины брильянты.

На афише моей вместо имени стояли три звездочки, разжигая интерес публики. Взойдя на сцену, я был ослеплен прожекторами. Дикий страх охватил меня. Я онемел и оцепенел. Оркестр заиграл первые такты «Райских грез», но музыка мне казалась глухой и далекой. В зале из сострадания кто-то похлопал. С трудом раскрыв рот, я запел. Публика отнеслась ко мне прохладно. Но когда я исполнил «Тонкинку», зал бурно заплодировал. А мое «Прелестное дитя» вызвало овацию. Я бисировал три раза.

Взволнованные Николай и Поленька поджидали за кулисами. Пришел директор с огромным букетом и поздравлениями. Я благодарил как мог, а сам давился от смеха. Я сунул директору руку для поцелуя и поспешил спровадить его.

Был заранее уговор никого не пускать ко мне, но, пока мы с Николаем и Поленькой, упав на диван, покатывались со смеху, прибывали цветы и любовные записки. Офицеры, которых я прекрасно знал, приглашали меня на ужин к «Медведю». Я не прочь был пойти, но брат строго-настрого запретил мне, и вечер закончили мы со всей компанией нашей у цыган. За ужином пили мое здоровье. Под конец я вскочил на стол и спел под цыганскую гитару.

Шесть моих выступлений прошли в «Аквариуме» благополучно. В седьмой вечер в ложе заметил я родителей друзей. Они смотрели на меня крайне внимательно. Оказалось, они узнали меня по сходству с матушкой и по матушкиным брильянтам.

Разразился скандал. Родители устроили мне ужасную сцену. Николай, защищая меня, взял вину на себя. Родителивые друзья и наши домашние поклялись, что будут молчать. Они сдержали слово. Дело удалось замять. Карьера кафешантанной певички погибла, не успев начаться. Однако этой игры с переодеванием я не бросил. Слишком велико было веселье.

В ту пору в Петербурге в моду вошли костюмированные балы. Костюмироваться я был мастер, и костюмов у меня было множество, и мужских, и женских. Например, на маскараде в парижской Опере я в точности повторил собой портрет кардинала Ришелье кисти Филиппа де Шампеня. Весь зал рукоплескал мне, когда явился я в кардиналовой мантии, которую несли за мной два негретенка в золотых побрякушках.

Была у меня история трагикомичная. Я изображал Аллегию Ночи, надев платье в стальных блестках и брильянтовую звезду-диадему. Брат в таких случаях, зная мою взбалмошность, провожал меня сам или посылал надежных друзей присмотреть за мной.

В тот вечер гвардейский офицер, известный волокита, приударил за мной. Он и трое его приятелей позвали меня ужинать у «Медведя». Я согласился вопреки, а вернее, по причине опасности. От веселья захватило дух. Брат в этот миг любезничал с маской и не видел меня. Я и улизнул.

К «Медведю» я явился с четырьмя кавалерами, и они тотчас спросили отдельный кабинет. Вызвали цыган, чтобы создать настроение. Музыка и шампанское распалили кавалеров. Я отбивался как мог. Однако самый смелый изловчился и сдернул с меня маску. Испугавшись скандала, я схватил бутылку шампанского и швырнул в зеркало. Раздался звон разбитого стекла. Гусары опешили. В этот миг я подскочил к двери, отдернул зашелку и дал тягу. На улице я крикнул извозчика и дал ему Поленькин адрес. Только тут я заметил, что забыл у «Медведя» соболью шубу.

И полетела ночью в ледяной мороз юная красавица в полуголом платье и брильянтах в раскрытых санях. Кто бы мог подумать, что безумная красотка – сын достойнейших родителей!

Мои похождения стали, разумеется, известны отцу. В один прекрасный день он вызвал меня к себе. Звал он меня только в самых крайних случаях, потому я струсил. И недаром. Отец был бледен от гнева, голос его дрожал. Он назвал меня злодеем и негодяем, сказав, что порядочный человек мне и руки бы не подал. Еще он сказал, что я – позор семьи и что место мне не в доме, а в Сибири на каторге. Наконец он велел мне выйти вон. После всего он так хлопнул дверью, что в соседней комнате со стены упала картина.

Некоторое время я стоял как громом пораженный. Потом отправился к брату.

Николай, видя мое горе, попытался утешить меня. Тут я высказал все, что имел против него. Напомнил, сколько раз просил его помощи и совета, например в Контрексевиле после истории с аргентинцем. Заметил ему, что они с Поленькой первые вздумали для смеха вырядить меня женщиной, что именно с того дня моя двойная жизнь началась и все не кончится. Николай признал, что я прав.

По правде, эта игра веселила меня и притом льстила самолюбию, ибо женщинам нравиться я мал был, зато мужчин мог покорить. Впрочем, когда смог я покорять женщин появились свои трудности. Женщины мне покорялись, но долго у меня не удерживались. Я привык уже, что ухаживают за мной, и сам ухаживать не хотел. И главное – любил я только себя. Мне

нравилось быть предметом любви и внимания. И даже это было не важно, но важно было, чтобы все прихоти мои исполнялись. Я считал, что так и должно: что хочу, то и делаю, и ни до кого мне нет дела.

Часто говорили, что я не люблю женщин. Неправда. Люблю, когда есть, за что. Иные значили для меня очень много, не говоря уж о подруге, составившей мое счастье. Но должен признаться, знакомые дамы редко соответствовали моему идеалу. Чаще очаровывали – и разочаровывали. По-моему, мужчины честней и бескорыстней женщин.

Меня всегда возмущала несправедливость человеческая к тем, кто любит иначе. Можно порицать однополую любовь, но не самих любящих. Нормальные отношения противны природе их. Виноваты ли они в том, что созданы так?

ГЛАВА 10

Царское Село – Великий князь Дмитрий Павлович – Ракитное

В Царское Село ездили мы часто. Наш царскосельский дом выстроен был моей прабабкой точною копией того дома, что не приняла она в подарок от Николая I. Дом в стиле Людовика XV белый внутри и снаружи. Посреди дома большая зала многогранником с шестью дверями – в другие залы, сад и столовую. Мебель также в стиле Луи-Кенз, белая с обивкой из плотного ситца в цветочек. Гардины того же ситца и золотистые шелковые занавеси, от них освещение становится солнечным. Все в доме светло и весело. Воздух благоуханен от цветов и растений. От них же впечатление вечной весны. Вернувшись из Оксфорда, я устроил себе гарсоньерку в мансарде с отдельным входом.

Все в Царском напоминало о Екатерине II: растреллиев Большой дворец, идеальное расположение залов, императрицына личная «янтарная комната», знаменитая Камеронова галерея с мраморными статуями, огромный парк с беседками и купами деревьев, пруды и фонтаны. Прелестный китайский, красный с позолотой, театр, каприз государыни, стоял среди сосен.

В Большом дворце проходили только приемы. Императорская семья жила в Александровском дворце, построенном Екатериной для внука Александра I. Дворец невелик, но был бы стилистичен, не изуродуя его молодая императрица неудачною переделкою. Почти всю стенную роспись, мраморную отделку и барельефы заменили панелями из акажу и пошлейшими угловыми диванами. Выписали из Англии мебель от Мэйпла, а старинную убрали.

Когда государь с семьей находился в Царском, рядом селились великие князья и некоторые знатные семейства. Начинались балы, ужины, пикники. Время проводилось весело, в простоте сельской жизни.

В 1912-м и 1913-м годах я часто виделся с великим князем Дмитрием Павловичем, поступившим в конную гвардию. Жил он в Александровском дворце и сопровождал государя всюду. Свободное время проводил он со мной. Виделись мы всякий день и вместе совершали прогулки и пешком, и верхом.

Дмитрий был необычайно хорош собой: высок, элегантен, породист, с большими задумчивыми глазами. Он походил на старинные портреты предков. Но весь из контрастов. Романтик и мистик, глубок и обстоятелен. И в то же время весел и готов на любое озорство. За обаяние всеми любим, но слаб характером и подвержен влияниям. Я был немного старше и имел в его глазах некоторый авторитет. Он слышал о моей «скандальной жизни» и видел во мне фигуру интересную и загадочную. Мне он верил и мнению моему очень доверял, поэтому делился со мной и мыслями, и наблюдениями. От него я узнал о многом нехорошем и невеселом, что случалось в Александровском дворце.

Государева любовь к нему вызывала много ревности и интриг. Одно время Дмитрий страшно возомнил о себе и возгордился. Я, пользуясь правом старшего, без обиняков сказал ему, что думал. Он не обиделся и приходил ко мне в мансарду по-прежнему, и по-прежнему мы разговаривали часами. Чуть не каждый вечер мы уезжали на автомобиле в Петербург и веселились в ночных ресторанах и у цыган. Приглашали поужинать в отдельном кабинете артистов и музыкантов. Частой нашей гостьей была знаменитая балерина Анна Павлова. Веселая ночь пролетала быстро, и возвращались мы только под утро.

Однажды, когда мы ужинали в ресторане, ко мне подошел офицер императорской свиты, еще молодой человек, красавец, в черкеске с узкой талией и кинжалом на поясе.

– Вряд ли вы узнаете меня, – сказал он, назвавшись. – Но, может, вы помните обстоятельства нашей последней встречи. Они были довольно необычны. Я въехал верхом в столовую в вашем доме в Архангельском. Ваш отец рассердился и выставил меня вон.

Еще бы мне не помнить?! Я сказал ему, что был в восторге от его поступка и обиделся тогда на отца. Я пригласил его к столу. Он сел и просидел с нами долго. Говорить не говорил, но на меня смотрел неотрывно.

– Как вы похожи на свою матушку! – наконец вздохнул он.

По всему, он был взволнован. Резко поднялся и, поклонясь, ушел.

На другой день он телефонировал мне в Царское и спросил, можно ли ему приехать ко мне. Я ответил, что живу у родителей, а, учитывая прошлые обстоятельства, его визит в родительский дом не вполне удобен. Тогда он предложил увидеться в городе. Я согласился и в назначенный вечер отправился с ним к цыганам. Вначале он был молчалив, но песни и шампанское оживили его, он заговорил. Он сказал, что не мог забыть мою матушку и что совершенно потрясен моим сходством с ней. Что хочет встречаться со мной. Он нравился мне. Все же я ответил, что, может, и встретимся где-нибудь, но дружба меж нами невозможна. Больше я его не видел.

Отношения мои с Дмитрием временно прервались. Государь слышал скандальные сплетни на мой счет и на дружбу пашу смотрел косо. Наконец великому князю запретили встречаться со мной, заодно и за мной установили слежку. Филеры гуляли у нашего дома и ездили следом за мной в Петербург. Однако вскоре Дмитрий вновь обрел свободу. Из государственного Александровского дворца он переехал в свой собственный в Петербург и просил меня помочь ему обустроиться.

Сестра Дмитрия, великая княжна Мария, вышла замуж за шведского принца Вильгельма. Потом она развелась с ним и вышла за гвардейского офицера князя Путятина, с которым развелась также. Я виделся часто с ее единокровными братом и сестрами, детьми отца ее, великого князя Павла Александровича, от второго, морганатического, брака с г-жою Пистолькорс. Жили они в Царском неподалеку от нас. Обе сестры, великие княжны, обладали прекрасным актерским даром, брат их Владимир был также чрезвычайно одарен. Не будь он убит в Сибири с другими членами царской семьи, стал бы, несомненно, одним из лучших поэтов нашего времени. Иные его стихи не хуже пушкинских.

Старшая его сестра Ирина, красивая и умная, похожа была на бабу, императрицу Марию Александровну, жену Александра II. Ирина вышла за шурина моего, князя Федора, от которого родила двоих детей, Ирину и Михаила. Младшая, Наталья, хорошенькая, миленькая, напоминала ласкового котенка. Впоследствии вышла за кутюрье Люсьена Лелонга, вторым браком – за американца Уильсона.

Великий князь Владимир с женой всегда проводили лето в Царском Селе. Великая княгиня точно сошла с картины ренессансного мастера. Она была урожденной герцогиней Мекленбург-Шверинской и по рангу шла сразу за императрицами. Ловкая и умная, она прекрасно соответствовала своему положению. Со мной она охотно болтала и любопытно-весело слушала рассказы о моих похождениях. Долгое время я был влюблен в ее дочь, великую княжну Елену Владимировну, вышедшую за греческого наследного принца Николая. Красота ее меня околдовывала. Прекрасней глаз я не знал. Покоряли они всех.

Павловск, в пяти верстах от Царского, принадлежал великому князю Константину Константиновичу. Никакие переделки не смогли испортить это чудо архитектуры XVIII века. Остался дворец, как был при императоре Павле, тогдашнем владельце его.

Великий князь Константин Константинович был человек необычайно образованный и даровитый: поэт, актер, музыкант. Многие и теперь еще помнят, с каким талантом и мастерством он исполнял одну из пьес своих, «Царя Иудейского». Великие князь с княгиней и вось-

меро детей их были очень привязаны к своему павловскому жилищу и ухаживали за ним любовно-благоговейно.

Перед Крымом, куда ехали мы в октябре, мы заезжали на время охоты в Ракитное, в Курской губернии. Это было одно из самых больших наших имений. Держали тут кирпичный завод, сахарную фабрику, сукновальню, лесопилку, разводили скот. Посреди стоял дом управляющего с хозяйственными постройками. Всякое хозяйство – конные заводы, псарни, овчарни, курятники – имело свое управление. Лошади с наших заводов не раз брали первые призы на бегах в Москве и Петербурге.

Верховую езду я любил больше всего, а одно время увлекся еще и псовой охотой. Мне нравилось нестись по лесам и полям за своими борзыми. Часто собаки замечали дичь прежде меня и пускались с места в карьер, чуть не выдернув меня из седла. Обычно охотник перекидывал через плечо повод и конец его зажимал в правой руке: разожмет руку – отпустит собак, однако, если был близорук и медлителен, мог и слететь с лошади.

Мое увлечение охотой кончилось скоро. Так мучительно было услышать крик подстреленного мной зайца, что с того дня играть в эту кровавую игру я прекратил.

На охоту к нам в Ракитное съезжалось множество гостей. С неизбежным Берновым начинался смех. Генерал, полуслепой, принимал то корову за лося, то собаку за волка. Так, на моих глазах он застрелил кота – лесникова любимца, – приняв кота за рысь. Схватив «рысь» за хвост, генерал театральным жестом кинул ее к ногам моей матушки. Ошибку свою он признал только, когда прибежала лесничиха и, упав на колени, заплакала над жертвой. Но когда Бернов ранил загонщика, уж не знаю, за какого зверя приняв беднягу, отец отнял у него ружье и объявил ему, что впредь охотиться ему не даст.

Великие князь и княгиня Сергей Александрович и Елизавета Федоровна на охоту к нам приезжали всегда и непременно привозили с собой свой двор – людей юных и веселых.

Елизавету Федоровну я обожал, Сергея Александровича недолюбливал. Манеры его были странны, и смотрел он на меня тоже странно. Носил он корсет, и летом сквозь белую рубашку проступали корсетные кости. Ребенком я любил их щупать, что сильно его раздражало.

Чтобы добраться до мест охоты, порой удаленных, приходилось ехать лесом и полем. Выезжали на рассвете. Назначались особые повозки, линейки, могущие вместить двадцать человек, запрягалась четверка не то шестерка лошадей. В дороге, чтобы не скучно было, мне предлагали спеть. Итальянскую песню «Слез полны глаза» Сергей Александрович обожал. Петь ее просил меня с утра до вечера, и я в конце концов возненавидел ее.

Обедали мы под навесом, возвращались вечером. После ужина взрослые садились за карты, а нам с братом полагалось сразу идти спать. Но я и не думал спать, пока великая княгиня не придет пожелать мне спокойной ночи. Она приходила, целовала и крестила меня. После ласки ее в душе моей воцарялся мир, и засыпал я спокойно.

О наших охотничьих сезонах вспоминаю без радости. Охоту я разлюбил, считая ее мерзким зрелищем. А в один прекрасный день я и вовсе бросил свои охотничьи доспехи и ездить с родителями в Ракитное перестал.

ГЛАВА 11

Крым – Кореиз – Отцовские причуды – Соседи – Ай-Тодор – Первая встреча с княжной Ириной – Кокоз – Как я снискал расположение эмира Бухарского

Вплоть да конца XVIII века Крым был независимым от России Крымским ханством. И по сей день стоит в его древней столице Бахчисарае красавец дворец татарских владык.

Крым – чудесный край. Он напоминает французский Лазурный берег, но пейзажи его суровей. Вокруг – высокие скалистые горы; на склонах – сосны, до самого берега; море переменчиво: мирно и лучисто на солнце и ужасно в бурю. Климат мягок, всюду цветы, очень много роз.

Населенье было – татары, народ живописный, веселый и хлебосольный. Женщины носили шаровары, яркие приталенные жакетки и вышитые тюбетейки с вуалькой, но прикрывали лицо только замужние. У молодых – сорок косичек. Все сплошь красили ногти и волосы хной. Мужчины ходили в Каракулевах шапках, ярких рубахах и сапогах с узкими голенищами. Татары – мусульмане. Над плоскими крышами беленных известью татарских домов высились минареты мечетей, и утром и вечером с высоты голос муэдзина созывал на молитву.

Крым был излюбленным местом отдыха царской семьи. Отдыхала здесь и знать. Именья их располагались на южном берегу между Ялтой и Севастополем. Поместья меж собой соседствовали, и отдыхавшие виделись часто. У нас в Крыму было несколько владений. Два самых больших в Кореизе, на самом побережье, и в Кокозе, более вглубь, в долине меж гор. Имелся также дом в Балаклаве, но там мы не жили ни разу.

Кореизская усадьба, серокаменная, грубая, вписалась бы скорее в городской пейзаж, нежели в приморский. Тем не менее была она гостеприимна, удобна. В парке стояли домики для гостей. Вокруг дома – розы, и воздух благоухает. Сады и виноградники спускаются уступами-террасами до самой воды.

Отец наследовал Кореиз от матери и самолично занимался управлением и украшением. Одно время он увлекся скульптурой. Купил огромное количество статуй и уставил ими весь парк. Нимфы, наяды, богини стояли у каждого кустика, как в гомеровы времена. На берегу отец устроил купальню и бассейн с постоянным подогревом воды, так что купаться можно было в любое время года. Вдоль берега стояли бронзовые фигуры – персонажи крымских легенд, а на пристани статуя Минервы напоминала нью-йоркскую Свободу с факелом в руке. На скале сидела наяда. Если бурей ее сносило, немедленно ставили новую.

Отцовские фантазии принимали порой самую причудливую форму. Как сейчас, помню матушкино удивление, когда отец подарил ей на день рождение гору Ай-Петри, что высится на южном берегу – лысую, скалистую, самую высокую на полуострове.

Осенью отец устраивал праздник, называя его «день барана». Созывались все, от царской семьи до жителей ближних деревень. С кокозских гор спускались козы и овцы. Козам надевалась на шею розовая ленточка, овцам – голубая. Гости приглашались есть-пить вволю и играть в бесплатную лотерею. Бродили козы, бродили люди, лежало угощение. Ожидали сюрприза, но сюрприза не было. Гости расходились по домам, не зная толком, зачем приходили. И все же, чтобы не обижать отца, непременно являлись на «праздник» всякий год.

Кто покупал у нас вина получал в качестве поощренья фрукты из наших садов. Правда, плодовые деревья ученые садовники столько скрещивали, что вывели гибриды, толком ни на что не похожие и вкусом не отвечавшие виду.

Отец любил быть на воздухе и порой на весь день устраивал нам конные прогулки в горах. Становился во главе отряда и скакал куда вздумается, не слушая ни нас, ни проводников. А

отцовское увлечение рыбалкой неожиданно сказалось на моем воспитанье. Однажды он ушел на заре порыбачить, а вернулся с каким-то субъектом и заявил мне: «Вот тебе новый наставник». Отец увидел его на скале с удочкой в руке и позвал его удить к себе в лодку, а потом привел домой обедать.

Мой новый наставник был карлик, грязный и дурно пахнущий. Всю неделю он ходил в одной и той же белой с красными помпончиками рубашке, а в воскресенье с самого утра являлся в смокинге, ярком галстуке и желтых туфлях. Матушка огорчалась и пробовала отговорить отца, но он был в восторге от новой находки и слышать ничего не хотел. Я же возненавидел карлика с первого взгляда и вел себя так, что он очень скоро попросил расчет.

Тогда отец решил воспитывать меня по-спартански. Он велел вынести у меня из комнаты всю мебель, мною выбранную. Взамен внесли складную походную кровать и табурет. Я следил за перестановкой молча, но тем сильнее негодовал про себя. Под конец еще и струхнул, когда слуги поставили посреди комнаты подозрительного вида шкаф. Оставшись один, я попытался открыть его, но не смог, и тут уж перепугался не на шутку.

На другой день поднял меня отцовский камердинер, здоровяк, по всему, назначенный моим палачом. Он обхватил меня своими ручищами, отнес и посадил в шкаф. В тот же миг на меня хлынул ледяной душ. Я не переносил холодной воды, и душ этот был для меня пыткой. Но безуспешно я звал на помощь и пытался вырваться. Все свое получил сполна. Шок был столь силен, что, когда дверь открыли, я выскочил, нагишом промчался по всему дому, выскочил как безумный на двор и в один миг вскарабкался на самую верхушку дерева. Оттуда я стал вопить и переполошил весь дом. Прибежали отец с матерью и велели мне слезть. Я соглашался при условии, что душа больше не будет. Иначе, обещал я, спрыгну с дерева. Отец принял ультиматум. Но я простудился и с месяц потом хворал.

Отъезд в Крым всегда был для нас с братом праздником, и с нетерпением ожидали мы, когда прицепят наш вагон к скорому поезду, шедшему на юг.

Сходили мы в Симферополе и несколько дней гостили у Лазаревых. Дядя был крымским губернатором. Все любили его за доброту и мягкость. Супругу его почитали не меньше. А мы, дети, души в ней не чаяли. Милая, веселая, голосистая, всегда готова спеть или прочесть что-нибудь.

Когда дядю назначили в Симферополь, мы поехали проводить их. Отцы города встречали на вокзале нового губернатора. Дядя, в парадном мундире шествуя из вагона в вагон, чтобы сойти с поезда, оступился и оказался верхом на буфере! В этом непарадном положении он и знакомился с чиновниками.

Из Симферополя ехали в ландо все вчетвером. За нами – слуги, за ними – скарб. Как ни многочисленно было наше сопровождение, оно ни в какое сравнение не шло со свитой иных семейств. Граф Александр Шереметев возил с собой не только домашних и слуг, а и музыкантов, и коров из своих деревень, чтобы во все время путешествия пить свежее молоко.

Нам с Николаем нравилось так ездить. Все было в забаву: двукратная за время переезда перемена лошадей, выбор места для обеда и трапеза под навесом. Вдобавок мы с родителями – наконец-то без посторонних. Такое выпадало нам редко.

Одно время в Кореизе нас непременно ждал сюрприз. Устраивал его чудак-управляющий. Так, однажды он на всех в доме предметах черными чернилами вывел цену, в какую оценивал их. Многие вещи отчистить не удалось. В другой раз он расписал дом рыжей краской да еще в клеточку, под кирпичную кладку. Не пощадил и любимые отцом статуи – выкрасил их в телесный цвет, наверно, для правдоподобья. На этом его за наш счет художества закончились. Отец рассчитал его тотчас же. Целый год потом спасали здание и статуи.

В Кореизе был у нас дурачок, здоровый детина, татарин Мисуд. Природа наградила его богатырской статью и огромным зобом. Богатырь с зобом обожал своего господина и всюду следовал за ним как тень. Отец, тяготясь такой преданностью, но не желая обидеть его, нашел

ему занятие: вырядил его сторожем гарема, в черный с золотым шитьем кафтан и чалму, дал рог и ружье и посадил у фонтана перед домом. Когда приходили гости, Мисуд трубил в рог давал ружейный залп и кричал: «Ура!». Правда иногда ошибался и палил из ружья и кричал «Ура!», когда гости уходили. Некоторые обижались.

Однажды в Петербурге отец получил телеграмму: «Мисуд сообщает его сиятельству, что помер». Наш верный детина, заболев, сам написал телеграмму и просил послать ее, когда умрет.

Кореиз был для наших друзей землей обетованной. Они могли приехать сюда с семьей и челядью и жить до скончания века. Жизнь райская: всюду цветы, плодов и фруктов сколько душе угодно, местные люди радушны и услужливы.

Мы с братом с нетерпением ждали приезда двоюродных сестер и братьев. Вместе купались, а после поедали на пляже фрукты, какие принесли с собой в корзинах. Ездили на прогулки на низкорослых татарских лошадаках. В Ялте непременно заходили во французскую кондитерскую «Флорен» полакомиться вкуснейшими пирожными.

Не успеем приехать в Кореиз – соседи тут как тут. Являлся старик фельдмаршал Милютин, живший в восьми верстах от нас. Приходил пешком. Было ему за восемьдесят. Имелась еще баронесса Пилар, бабушкина приятельница, вернее рабыня. Коротышка, толстуха, вся в волосатых бородавках, однако, как ни безобразна, умела увлечь и понравиться. Бабушка вертела ей, как хотела, заставляла заниматься шелковичными червями, посылала собирать и давить улиток.

Князь Лев Голицын, колосс с львиной гривой, был и впрямь как лев. Благороден, но страшен. Вечно пьян, ищет повода побуйнить. Мало ему пить в одиночку, спаивает все свое окружение винами собственных винокурен. Приезжал всегда с ящиками шампанского. Не успеет въехать во двор, слышен его бас: «Гости прибыли!». Выйдет из кареты и пустится жонглировать бутылками, затянув застольную:

«Пей до дна, пей до дна!».

Я тотчас прибежал. Очень хотелось первым вкусить чудесное голицынское вино. Бывало, не поздоровается еще, а уж зовет слуг разгружать и раскрывать ящики. Соберет весь дом – и господ, и слуг – и каждого поит допьяна. Однажды он так досадил этим бабушке, которой в ту пору было за семьдесят, что она выплеснула ему стакан в лицо. А он схватил ее в охапку и закружил в бешеном танце. Бедная бабушка после того много дней хворала.

Матушка боялась приездов Голицына. Однажды она сутки просидела у себя взаперти, когда одержимый князь разбушевался. Он напайвал всю прислугу, падал на диван и спал мертвецким сном. Насилу могли на другой день его добудиться и спровадить восвояси.

Сосед граф Сергей Орлов-Давыдов жил один в своем поместье. Был он слабоумен и крайне уродлив: волосы всклокочены, ноздри раздуты, нижняя губа отвисла. Одет изысканно, с моноклем и в белых гетрах. Душится «Шипром», но несет от него козой. В остальном – большое доброе дитя. Больше всего любил играть со спичками. Дадут ему целую кучу, и сидит он чиркает часами. Потом встанет и уйдет, ни слова не сказав. Наверно, счастливейшим в его жизни был день, когда я привез ему из Парижа спички с аршин, которые купил на Бульварах.

Уродство и слабоумие не мешали ему интересоваться женщинами. Однажды учинил он скандал на литургии в Зимнем в присутствии царской семьи. Дамы, как принято, были в парадных платьях. Граф Орлов надел монокль и стал рассматривать дамские декольте с таким завыванием, что пришлось его вывести вон. Говорили даже, что у него случались любовные приключения. А вообще был он чувствителен и верен. Никогда не забывал матушкин день рождения. Была она в Кореизе, нет ли, непременно являлся в тот день с огромным букетом роз.

Графиня Панина была умна и притом либералка. Жила она во дворце, походившем на старинный замок, где принимала политиков, художников, писателей. У нее встречал я Льва Толстого, Чехова, у нее же свел дружбу с прелестной четой – певицей Ян-Рубан и мужем ее,

композитором и художником Полем. Г-жа Ян-Рубан даже давала мне уроки пения и сама приходила к нам. Не знал я певицы с лучшей певческой дикцией. И никто с таким чувством не пел Шумана, Шуберта и Брамса.

Из соседних имений ближе к Севастополю самым прекрасным была воронцовская Алупка. Усадьба в глициниях, в парке – статуи и фонтаны. Внутри оставался дом, увы, в запустенье, потому что Воронцовы бывали тут редко. Рассказывали, что в стене ограды живет огромная змея, что иногда она выползает на берег и плавает в море. Эта сказка пугала меня в детстве, и я отказывался выходить гулять.

В маленькой Ялте, ставшей знаменитой по конференции трех держав в 1945 году, стояла императорская яхта «Штандарт». В Ялту ездили на экскурсии. Татары-проводники, молодые, веселые, красивые какой-то беспокойной красотой, поджидали туристов, давали им внаймы лошадей и провожали в горы. Чаще всего прогулка кончалась амурами. Рассказывали о злоключениях одной богатой московской купчихи, которая, наскучив старым мужем, приехала в Ялту развлечься. Наняла она проводника и пустилась в горы. И такая меж ними вспыхнула страсть, что о лошади забыли, и окончилось все – у доктора... На другой день история облетела город, и купчиха с позором уехала. Старик муж узнал и потребовал развода.

Все императорские именья расположены были на побережье. Государь с семьей жили в Ливадии. Дворец построили в итальянском стиле, с большими светлыми залами на месте прежнего – темного, сырого и неудобного. Рядом с нами находилось именье Ай-Тодор великого князя Александра Михайловича. Воспоминания об этом именье – из самых для меня дорогих. Стены дома, увитые зеленью, тонули в глициниях и розах. Все здесь было прекрасно. Главной украшательницей усадьбы была великая княгиня Ксения Александровна. И сама-то красавица, свое самое большое достоинство – личный шарм – она унаследовала от матери, императрицы Марии Федоровны. Взгляд ее дивных глаз так и проникал в душу. Ее изящество, доброта и скромность покоряли всякого. Я уже и в детстве радовался ее приходам. А уйдет – побегу по комнатам, где она прошла, и жадно вдыхаю запах ее ландышевых духов.

Великий Князь Александр, высокий черноволосый красавец, – личность самобытная. Он женился на великой княжне Ксении, сестре Николая II, и тем нарушил традицию, по которой особы императорской фамилии сочетались браком только с иностранцами августейшей крови. Пошел он по призванию в морское училище и был всю жизнь настоящим моряком. Считал, что необходимо создать мощный военно-морской флот, и умел убедить в том государя, однако воспротивились большие морские чины, те самые, которых потопили в войну японцы. Тогда он занялся развитием торгового флота, основал министерство, которое и возглавил. Когда царь подписал манифест об учреждении Думы, он ушел в отставку. Тем не менее охотно принял командование балтийскими миноносцами и был счастлив вернуться в море. Он плавал в Финском заливе, когда получил телеграмму из Гатчины, где находилась великая княгиня с детьми. Телеграммой вызвали его к сыну Федору, тяжело заболевшему скарлатиной. Три дня спустя камердинер, оставшийся на корабле, сообщил ему в Гатчину, что команда взбунтовалась и ждет его, чтобы взять в заложники. В отчаянье выслушал он мудрое решение шурина. «Правительство не может пойти на риск, не может отдать члена императорской фамилии в руки бунтовщиков», – сказал государь. Великий князь, сославшись на нездоровье детей, отошел от дел. С болью в душе он уехал за границу.

Он снял виллу в Биаррице и прожил в ней с семьей два-три месяца. В последующие годы неизменно наезжал туда. Там же узнал он о перелете Блерио через Ла-Манш.

В сущности, он один из первых увлекся авиацией. Подвиг Блерио подхлестнул его. Великий князь загорелся оснастить русскую армию аэропланами. Он снесся с Блерио и Вуазеном и вернулся в Россию, имея готовые проекты. На родине встретили его насмешками.

«Если я вас, ваше императорское высочество, правильно понял, – сказал ему военный министр генерал Сухомлинов, – вы предлагаете вооружить армию игрушками Блерио? А позвольте узнать, где будут порхать наши офицеры? Над Па-де-Кале или у нас над Петербургом?»

Порхали над Петербургом. Первые полеты состоялись весной 1909 года. Министр Сухомлинов счел их «весьма забавными, но не представляющими интереса для русской армии». Тем не менее великий князь три месяца спустя основал первую летную школу. Большая часть наших авиаторов и пилотов-наблюдателей 14-го года – выпускники ее.

Книги по морскому делу собирал он всю жизнь. К 1917 году библиотека его насчитывала более двадцати тысяч томов. После революции великокняжеский дворец был превращен в комсомольский клуб, и книги, в том числе бесценные, сгорели при пожаре.

Однажды на верховой прогулке увидел я прелестную девушку, сопровождавшую даму почтенных лет. Наши взгляды встретились. Она произвела на меня такое впечатление, что я остановил лошадь и долго смотрел ей вслед.

На другой день и после я проделал тот же путь, надеясь снова увидеть прекрасную незнакомку. Она не появилась, и я сильно расстроился. Но вскоре великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна навестили нас вместе с дочерью своей, княжной Ириной. Каковы же были моя радость и удивление, когда я узнал в Ирине свою незнакомку! На этот раз я вдоволь налюбовался дивной красавицей, будущей спутницей моей жизни. Она очень походила на отца, а профиль ее напоминал древнюю камею.

Немногим позже я познакомился и братьями ее, князьями Андреем, Федором, Никитой, Дмитрием, Ростиславом и Василием. По натуре разные, но все дети равно обаятельны в мать.

Наше кокозское имение – «кокоз» по-татарски «голубой глаз» – располагалось в долине близ татарской деревушки с белеными домами с плоскими крышами-террасами. Красивейшие были места, особенно весной, когда цвели вишни и яблони. Прежняя усадьба пришла в упадок, и матушка на месте ее выстроила новый дом в татарском вкусе. Задумали, правда, простой охотничий домик, а воздвигли дворец наподобие бахчисарайского. Получилось великолепие. Дом был бел, на крыше – черепица с древней зеленой глазурью. Патины старины подсинили черепичную зелень. Вокруг дома фруктовый сад. Бурливая речка прямо под окнами. С балкона можно ловить форель. В доме яркая красно-сине-зеленая мебель в старинном татарском духе. Восточные ковры на диванах и стенах. Свет в большую столовую проникал сквозь витражи в потолке. Вечерами в них искрились звезды, волшебным образом сливаясь с мерцанием свеч на столе. В стене устроен был фонтан. Вода в нем перетекала каплями во множестве маленьких чаш: из одной в другую. Устройство в точности повторяло фонтан в ханском дворце. С фонтаном была связана легенда: хан похитил молодую прекрасную европейку и держал ее пленницей в гареме. Красавица так плакала, что возник из слез фонтан, и назвали его «фонтаном слез».

Голубой глаз был всюду: и на фонтанной мозаике среди кипарисов, и в восточном убранстве столовой.

Кокоз находился в пяти верстах от Кореиза, и я часто привозил сюда друзей. К услугам гостей имелся татарский гардероб. К ужину все разряжались по-татарски. Португальскому королю Иммануилу так понравилась усадьба, что он мечтал остаться в Кокозе навсегда. Императорская семья тоже любила Кокоз и часто наезжала к нам.

В лесах ближних гор водились лоси. Мы завели охотничьи сторожки и частенько обещали там во время прогулок. Один домик стоял высоко на горе над ложбиной и называли его «орлиное гнездо». Мы закидывали камни на скалы, чтобы спугнуть орлов, и они взмывали и кружили над ложбиной.

Однажды после охоты отец пригласил на обед эмира Бухарского со свитой. Обедали весело. Под конец подали кофе и ликеры. Камердинер внес поднос с сигаретами. Спросили у эмира позволения закурить. Закурили... Вдруг точно ружейные залпы. Поднялась паника. Все ринулись вон из залы, решив, что это покушение. Я остался один и хохотал до слез действию

собственной шутки: сигареты с сюрпризом я привез из Парижа. Смех меня выдал. И досталось же мне! Однако несколько дней спустя эмир пожаловал к нам снова и приколот к моей груди бриллиантово-рубиновую звезду, их высшую государственную награду! После чего он захотел сфотографироваться со мной... Одному эмиру Бухарскому понравилась моя шутка.

ГЛАВА 12

Переезд – Спиритизм и теософия – Вяземская Лавра – Последняя поездка с братом за границу – Его дуэль и смерть

В 1906 году отец получил гвардейский полк, и семья переехала в Захарьевское, где стоял полк. Мы с Николаем огорчились: прощай наш петербургский дом и лето в Архангельском. Дача в летнем военном лагере в Красном Селе заменить архангельскую усадьбу не могла. Приходили к нам только полковые офицеры и их жены. Иные были милы, но ни я, ни брат не любили военной атмосферы. При каждом удобном случае норовили мы удрать или в Архангельское, или за границу. В ту пору мы стали неразлучны. Лето кончалось, Николай возвращался на занятия в университет, а я в гимназию Гуревича. А зимой мы, хоть и жили с родителями, все свободное время проводили на Мойке с друзьями.

В числе друзей был князь Михаил Горчаков – для близких Мика, – юный красавец восточного типа, вспыльчивый, но очень добрый. Видя, как шалости мои огорчают родителей, он решил направить меня на путь истинный. Однако не только потерял даром время, но еще и заболел нервами и вынужден был уехать лечиться за границу. Позже он женился на графине Стенбок-Фермор, прелестной милой даме, с которой был счастлив. Зла он на меня не держал. Мы друзья и по сей день.

Однажды отправились мы с друзьями к цыганам, где выпил я более меры. Товарищи привезли меня в Захарьевское мертвецки пьяного, раздели и уложили. Вскоре после их отъезда я очнулся, однако не протрезвел. Потому очень разгневался, что все меня бросили, соскочил с кровати и в пижаме ринулся на двор. Солдаты-караульные, увидав, как кто-то бежит по снегу босиком в пижаме, бросились вдогонку. Поймали они меня с трудом. Но, когда меня узнали, громко захохотали и отвели к привратнику. Бег по снегу, однако, меня не отрезвил. Возвращаясь к себе в комнату, я ошибся этажом и попал в комнату генерала Воейкова, адъютанта и личного друга государя. На завтра меня нашли на его письменном столе. Я спал сном праведника.

В отрочестве я часто разговаривал во сне. Однажды накануне поездки в Москву отец с матерью зашли ко мне в комнату, когда я спал, и услышали, как я бормочу во сне: «Крушение... крушение поезда...». Они были до того поражены, что отложили поездку. Поезд, которым они чуть не поехали, сошел с рельсов. Было много жертв. Меня тут же объявили ясновидящим, чем я тотчас корыстно воспользовался. Родители попались на удочку. Они простодушно верили моим, так сказать, прозрениям, пока случайно не разоблачили меня. Карьера ясновидца окончилась.

В ту пору мы с братом увлекались спиритизмом. Устраивали с приятелями спиритические сеансы и наблюдали вещи удивительные. Наконец, когда мраморная статуя сдвинулась с пьедестала и рухнула перед нами, столоверчение мы прекратили. Однако пообещали друг другу, что первый, кто умрет из нас, даст о себе знать с того света.

Столы вертеть я бросил, а все же продолжал интересоваться потусторонними материями. О Боге, будущей жизни и совершенстве духа думал постоянно. Открылся духовнику, но тот отвечал мне: «Нечего мудрствовать. Не ломай себе голову. Веруй в Господа, да и все». Сей мудрый ответ ничего не объяснил. Я ударился в оккультные науки и теософию. Как краткой земною жизнью можно заслужить вечное неземное блаженство? Объяснений христианства я уразуметь не мог. Теория перевоплощения была ясней. К тому ж убеждался я, что иные упражнения духа и тела могут придать человеку сверхъестественную силу и власть над собою и другими. Я есмь носитель божественного начала. Проникнутый сей идеей, я занялся йогой. Каждый день проделывал я особую гимнастику и множество дыхательных упражнений. Притом

старался сосредоточиться и укреплять волю. И, надо сказать действительно заметил в себе изменения: мысль стала четче, память цепче. Сила воли выросла. Говорили, что я даже смотрю иначе. И правда, я видел, что многие не выдерживают моего взгляда, а посему заключил, что развил в себе гипнотическую способность. Чтобы проверить, могу ли пересилить физическую боль, подержал руку над свечой. Было нелегко. Однако опыт я прекратил, когда в комнате уже повсюду пахло горелым мясом. У дантиста предстояло лечение особенно болезненное, я отказался от обезболивания. «Я властвую над собой, – с упоением думал я, – значит, властвую над другими».

Я и Николай познакомились с молодым, милым и очень талантливым актером Блюменталь-Тамариным. Звали его Володя, Вова. В то время в Александринке давали «На дне» Горького. Вова советовал сходить. Петербургские нищие, описанные Горьким, жили в Вяземской лавре. Мне захотелось сходить и в лавру. Я просил Вову помочь. За кулисами он был свой человек и живо добыл нам подходящее тряпье.

В назначенный день мы нацепили лохмотья и отправились в лавру закоулками, от городских подальше. Однако мимо театра Комической оперы пришлось пройти в момент театрального разъезда. Мне вздумалось сыграть роль до конца, влезть в шкуру нищего. Я встал на углу и протянул руку за милостыней. Дамы в мехах и брильянтах и господа с сигарами проходили мимо и даже не глядели в мою сторону. И хоть я всего-навсего притворялся, и то разозлился. Каковы же чувства настоящих христрадников!

У дверей лавры Вова просил нас молчать, чтобы не выдать себя. В ночлежке мы заняли три койки, прикинулись спящими и тайком разглядывали помещение. Зрелище было ужасное. Кругом – человеческое отребье обоего пола. Лежат вповалку, полуголые, грязные, пьяные. То и дело слышно, как выскакивает пробка. Оборванцы открывают бутылки водки, опоражнивают одним махом и швыряют пустые склянки не глядя. Тут же ссорятся, ругаются, совокупляются, блюют прямо на соседа. Вонь нестерпимая. Долго мы не выдержали. Поднялись и выбежали вон.

На улице я не мог надыхаться. Неужели ночлежка – не сон? И это в наше время! Куда смотрит правительство? Можно ли допустить, чтобы человеческие существа влачили столь жалкое существование?.. Долго потом мучили меня кошмары.

Видно, мы действительно вжились в образ. Наш швейцар не узнал нас и в дом не пустил.

Лето 1907 года мы с Николаем проводили в Париже. Брат познакомился с очень известной в то время куртизанкой Манон Лотти и безумно в нее влюбился. Она была молода и элегантна. Жила в роскоши. Имела особняк, экипажи, драгоценности и даже карлика, которого считала талисманом. Притом держала она компаньонку Биби – в прошлом куртизанку, а ныне больную старуху, очень гордую своей давнишней связью с великим князем Алексеем Александровичем.

Николай совсем потерял голову. Проводил он у Манон дни и ночи. Изредка вспоминал обо мне и брал меня с собой в ресторан. Но мне скоро наскучило быть на вторых ролях. Я и сам завел любовницу и скромней, и милей Манон. Она курила опиум и однажды предложила попробовать и мне. Повела она меня в китайский притон на Монмартр. Старик китаец впустил нас и тотчас увел в подвал. В подвале стоял этот особый опиумный дух и было странно тихо. Полуодетые люди лежали на циновках и, казалось, спали глубоким сном. Перед каждым стояла курильница.

Никто не обратил на нас внимания. Мы растянулись на свободной циновке, молодой китаец принес курильницы и трубки. Я затынулся несколько раз, голова закружилась... Вдруг раздался звонок, кто-то крикнул: «Полиция!».

Все эти, с виду глубоко спящие, повскакали на ноги и стали спешно приводить себя в порядок. Подруга моя, знавшая здесь все и вся, подвела меня к дверке, в которую мы вышли свободно. Еле дотащился я до ее дома и, едва вошел, тотчас рухнул на постель. Наутро я

проснулся с головной болью и обещал себе никогда опиума не курить. Обещать – обещал, а курить – курил.

Вскоре мы с Николаем вернулись в Россию.

В Петербурге мы зажили прежней беззаботно-веселой жизнью, и Николай быстро забыл парижскую любовь. Жених он был завидный, и его тут же осадили мамыши взрослых дочек. Но брат дорожил свободой и о женитьбе не думал.

К несчастью, познакомился он с юной обворожительной девицей и снова влюбился до безумия. Маменька с дочкой жили весело, вечера у них были часты и шумны.

Девица, правда, была уже помолвлена с одним гвардейским офицером. Николая, однако же, это не остановило. Он решил жениться. Родители отказывались дать согласие. Выбор его они не одобряли. Мне и самому он не нравился – слишком хорошо я знал девицу сию. Но помалкивал, чтобы не потерять братнина доверия: еще надеялся отговорить его.

Свадьбу с гвардейцем откладывали. Жениху надоели проволоочки, он потребовал назначить день. Николай пришел в отчаянье, девица рыдала и уверяла, что скорей умрет, чем выйдет за немилого. От брата я узнал, что она устраивает ему прощальный ужин накануне венчанья. Помешать ему пойти я не мог и решил пойти с ним вместе. Актер Вова был в числе приглашенных. Разгорячась от выпивки, он пустился разглагольствовать и звал влюбленных соединиться и все бросить ради любви. Невеста в слезах кинулась умолять Николая бежать с ней. Пришлось мне идти к ее маменьке. Не без труда я уговорил ее вмешаться. Когда я привел маменьку в ресторан, невеста бросилась к ней на шею. Я уллучил минуту и силой увез Николая домой.

На другой день состоялось венчанье. Новобрачные отбыли за границу. На том дело вроде бы и кончилось. Родители могли вздохнуть облегченно. Николай с виду был спокоен и снова взялся за учебу. Матушка поверила. Но меня Николай обмануть не мог.

В Париже в те дни пел Шаляпин. Брат захотел съездить послушать. Родители, подозревая, что Шаляпин – предлог, пытались отговаривать, но не тут-то было.

Тогда велели ехать в Париж и мне, поручив сообщить все о брате. Съездив и узнав, что он-таки снова увиделся со своей пассией, я вызвал отца с матерью телеграммой.

Николай, однако, как в воду канул. Я отправился к известным в ту пору гадалкам, мадам де Феб и госпоже Фрее. Де Феб сказала мне, что кто-то из семьи моей в опасности и может быть убит на дуэли. Фрее повторила де Феб почти слово в слово, а про меня добавила: «Быть тебе замешану в политическом убийстве, пройти тяжкие испытания и возвыситься».

До нас доходили противоречивые слухи. Одно казалось верно: муж знал, что Николай видится с женой его. О прочем одни говорили, что будет дуэль, другие – что развод. Наконец мы узнали, что гвардеец действительно вызвал брата на дуэль, однако очевидцы сочли повод недостаточным. Затем к нам явился сам гвардеец и объявил, что помирился с Николаем, винит во всем жену и намерен требовать развода. Дуэли мы, стало быть, могли не бояться и теперь со страхом ожидали последствий развода.

Вскоре из Петербурга пришла тревожная весть: гвардеец, видимо, по наущению приятелей, снова потребовал дуэли. Пришлось возвращаться в Петербург.

Однако Николай ничего нам не рассказывал, совершенно замкнулся в себе. Наконец признался мне, что дуэль на днях. Я к родителям. Отец с матерью требуют его к себе. Но их он заверил, что все хорошо и ничего не случится.

Вечером я нашел у себя на столе записки от матушки и брата. Матушка просила зайти к ней немедленно, а брат звал на ужин в «Контан». Николаево приглашение меня обрадовало и успокоило. После Парижа он впервые позвал провести вечер вместе.

Сперва я пошел к матушке. Она сидела перед зеркалом, горничная укладывала ей волосы на ночь. До сих пор помню матушкины счастливые глаза. «Про дуэль все ложь, – сказала она. – Николай был у меня. Они помирились. Господи, какое счастье! Я так боялась этой дуэли. Ведь ему вот-вот исполнится двадцать шесть лет!» И тут она объяснила, что странный рок был над

родом Юсуповых. Все сыновья, кроме разве что одного, умирали, не дожив до двадцати шести. У матушки родилось четверо, двое умерли, и она всегда дрожала за нас с Николаем. Канун рокового возраста совпал с дуэлью, и матушка была сама не своя от страха. Но сейчас она плакала от радости. Я поцеловал ее и отправился в ресторан на встречу с Николаем. У «Контана» его не оказалось. Я пустился на поиски по всему городу, но нигде не нашел. Домой я вернулся в волнении. Предсказания гадалок и матушкин рассказ вдобавок не давали покоя. Да и сам Николай грозился, что на днях... Может, хотел этим вечером проститься со мной... Что же не пришел? Как ни тревожился я, все же удалось мне забыться.

Наутро камердинер Иван разбудил меня, запыхавшись: «Вставайте скорее! Несчастье!..» Охваченный дурным предчувствием, я вскочил с постели и ринулся к матушке. По лестнице пробегали слуги с мрачными лицами. Мне на вопросы никто ничего не ответил. Из отцовской комнаты донеслись душераздирающие крики. Я вошел: отец, очень бледный, стоял перед носилками, на которых лежало тело брата. Матушка, на коленях перед ними, казалось, обезумела...

С трудом мы оторвали ее от него и перенесли тело на кровать. Когда матушка немного успокоилась, она позвала меня. Я подошел, но тут она приняла меня за Николая. Сцена была ужасна. У меня кровь в жилах стыла. Потом матушка впала в оцепенение, а, очнувшись, уже не отпускала меня ни на шаг.

Тело брата перенесли в часовню. Начались похоронные обряды. Потекли родня и знакомые. Несколько дней спустя мы выехали в Архангельское на захоронение в семейной усыпальнице.

Великая княгиня Елизавета Федоровна ждала нас в Москве на вокзале. В Архангельское она отправилась с нами.

На похороны собрались чуть не все наши крестьяне. Очень многие плакали. Люди бесконечно трогательно сочувствовали нашему горю.

Великая княгиня Елизавета Федоровна оставалась с нами некоторое время. Этим она поддержала нас всех, особенно матушку, на которую смотреть было страшно. Отец, от природы сдержанный, горе скрывал, но видно было, что и он убит. А что до меня, я жаждал мщения и, наверно, что-нибудь выкинул бы, не уgomони меня великая княгиня.

Узнал я подробности дуэли. Она состоялась ранним утром и имени князя Белосельского на Крестовском острове. Стрелялись на револьверах в тридцати шагах. По данному знаку Николай выстрелил в воздух. Гвардеец выстрелил в Николая, промахнулся и потребовал сократить расстояние на пятнадцать шагов. Николай снова выстрелил в воздух. Гвардеец выстрелил и убил его наповал. Но это уже не дуэль, а убийство. Впоследствии, разбирая бумаги брата, нашел я письма, из которых выяснил, что гнусную роль в этом деле сыгран некто Шинский, известный оккультист. Из писем явствовало, что Николай был полностью под его влиянием. Шинский писал, что он Николаю ангел-хранитель и что с ними воля Господня. Замужество девицы он объяснил брату как видимость и научил его поехать за ней в Париж. Что ни слово, то похвала девице и маменьке ее, а нашим родителям и мне заодно – анафема.

Уезжая, великая княгиня просила меня быть у ней в Москве, как только матушке станет лучше. Хотела поговорить со мной о моем будущем. Случилось, правда, это не скоро. Матушка наконец встала на ноги, но полностью оправиться после смерти брата не смогла никогда.

Идучи однажды с прогулки, поднимался я по лестнице ко дворцу и на последней террасе остановился и огляделся. Бескрайний парк со статуями и грабовыми аллеями. Дворец с бесценными сокровищами. И когда-нибудь они будут моими. А ведь это только малая толика всего уготованного мне судьбой богатства. Я – один из самых богатых людей России! Эта мысль опьяняла. Я вспомнил дни, когда тайком забирался в архангельский театр и воображал себя предком своим, великим меценатом екатерининских времен. Припомнилась и мавританская зала, где на златотканых подушках, обмотавшись в восточную парчу и нацепив матушкины

брильянты, возлежал я средь невольников. Роскошь, богатство и власть – это и казалось мне жизнью. Убожество мне претило... Но что, если война или революция разорит меня? Я подумал о бездомных из Вяземской лавры. Может, и я стану как они? Но эта мысль была невыносима. Я скорей вернулся к себе. По дороге я остановился перед собственным портретом работы Серова. Внимательно всмотрелся в самого себя. Серов – подлинный физиономист; как никто, схватывал он характер. Отрок на портрете предо мной был горд, тщеславен и бессердечен. Стало быть, смерть брата не изменила меня: все те же себялюбивые мечтанья? И так мерзок я стал самому себе, что чуть было с собой не покончил! И то сказать: родителей пожалел...

Тут и вспомнил я, что дал слово великой княгине побывать у нее. К этому дню матушка несколько оправилась. Я мог поехать в Москву.

ГЛАВА 13

Великая княгиня Елизавета Федоровна – Ее благотворное влияние – Мои занятия при ней – Планы на будущее

Я не намерен приводить какие-то новые сведения о великой княгине Елизавете Федоровне. Об этой святой душе достаточно говорено и писано в хрониках последних лет царской России. Но и умолчать о ней в мемуарах не могу. Слишком важным и нужным оказалось ее влияние в жизни моей. Да и сыздетства я любил ее, как вторую мать.

Все знавшие ее восхищались красотой лица ее, равно как и прелестью души. Великая княгиня была высока и стройна. Глаза светлы, взгляд глубок и мягок, черты лица чисты и нежны. К прекрасной наружности добавьте редкий ум и благородное сердце. Она была дочерью принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской. Кроме того, великая княгиня Елизавета Федоровна приходилась внучкой королеве Виктории, сестрой владетельному герцогу Эрнесту Гессенскому и старшей сестрой нашей молодой императрице. У великой княгини имелись еще две сестры: принцесса Прусская и принцесса Виктория Баттенбергская, впоследствии маркиза Милфорд-Хэйвен. Сама же она вышла за великого князя Сергея Александровича, четвертого сына Александра II.

Первые годы после замужества великая княгиня жила в Петербурге, много принимала в своем дворце на Невском, вела по необходимости жизнь роскошную, хотя уже тогда тяготилась ею. В 1891 году супруг ее назначен был московским генерал-губернатором, и на новом месте она стала необычайно почитаема и любима. Жила она так же, как в Петербурге, и в свободное от светских обязанностей время занималась благотворительностью.

17 февраля 1905 года на Сенатской площади в Кремле великий князь, сев в карету, был разорван в клочья бомбой террориста. Великая княгиня находилась в тот момент в Кремле, в ею же организованных мастерских по пошиву теплой одежды для войск в Маньчжурии. Заслыша взрыв, она выбежала в чем была, не накинув шубы. На площади лежали раненый кучер и две убитые лошади. Тело великого князя было буквально разорвано. Части его разбросало по снегу. Она собственными руками собрала их и перевезла к себе во дворцовую часовню. Бомба рванула так, что пальцы великого князя, еще в перстнях, были найдены на крыше соседнего здания. Все это рассказала нам сама великая княгиня. Трагическую весть услышали мы в Петербурге и тотчас же примчались в Москву.

Выдержка и самообладание великой княгини восхищали. Дни перед похоронами она провела в молитвах. В молитвах же нашла мужество совершить поступок, потрясший всех. Она пришла в тюрьму и велела отвести себя в камеру к убийце.

– Кто вы такая? – спросил он.

– Вдова убитого вами. Зачем вы убили его?

Каков был разговор далее, никто не знает. Версии противоречивы. Многие уверяют, что после ее ухода он закрыл лицо руками и захлеб зарыдал.

Достоверно одно: великая княгиня написала государю письмо с просьбой о помиловании, и государь готов был согласиться, не откажись от милости сам бомбист.

Великая княгиня навестила и кучера. Был он смертельно ранен и умирал в больнице. Увидев ее, умирающий, от которого скрыли смерть великого князя, спросил:

– Как здоровье его императорского высочества?

– Он послал меня справиться о тебе, – отвечала великая княгиня.

После смерти мужа она продолжала жить в Москве, но от светских дел отошла и целиком занялась делами богоугодными. Часть драгоценностей своих она раздала близким, остальное

продала. Матушка купила у нее изумительную черную жемчужину, государев подарок. Даря ее свояченице, Николай сказал:

– Теперь у тебя жемчужина не хуже, чем «Перегрина» Зинаиды Юсуповой.

Раздав все свое имущество, великая княгиня купила в Москве участок на Ордынке. В 1910 году она построила там Марфо-Мариинскую обитель и стала в ней настоятельницей. Последнее, что сделала она как бывшая светская красавица с безупречным вкусом – заказала московскому художнику Нестерову эскиз рясы для монахинь: жемчужно-серое суконное платье, льняной апостольник и покрывало из тонкой белой шерсти, ниспадавшее красивыми складками. Монахини не сидели в обители взаперти, но посещали больных и бедных. Ездили они и в провинцию, создавали благотворительные центры. Дело пошло скоро. За два года во всех больших российских городах появились такие ж обители. Ордынская тем временем разрослась. Пристроили церковь, больницу, мастерские, учебные классы. Настоятельница жила во флигельке из трех комнат с простой мебелью. Спала на топчане без тюфяка, под голову подложив пучок сена. На сон отводила всего ничего, а то и вовсе ничего, бодрствуя у постели больного или у гроба в часовне. Из больниц и клиник присылали ей безнадежных, и она самолично ходила за ними. Однажды привезли женщину, опрокинувшую зажженную керосинку. Одежда загорелась, тело стало сплошной раной. Началась гангрена. Врачи махнули рукой. Великая княгиня взялась лечить ее, терпеливо и стойко. Перевязка занимала всякий день более двух часов. Вонь от нагноений была такова, что иные сиделки падали в обморок. Больная, однако же, поправилась в несколько недель. Выздоровление ее почитали чудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.